

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

КАЖДЫЙ
ЗА СЕБЯ

ЭКСМО

Преступления правильной жизни

Александра Маринина

Каждый за себя

«Автор»

2003

Маринина А.

Каждый за себя / А. Маринина — «Автор»,
2003 — (Преступления правильной жизни)

ISBN 978-5-699-06780-0

Каждый сам за себя, каждый одержим своим – кто безрассудной любовью, кто ненавистью, которая не дает дышать. И каждый бесконечно одинок в скорлупе собственного «я». Особенно остро переживает свое одиночество Вероника, врач, волею обстоятельств ставшая домработницей в большой, обеспеченной и сложной семье. Здесь у всех свои проблемы, свои амбиции, свои счета друг с другом. И только ли в этой семье так – разве где-то в огромном мегаполисе, легко перемалывающем судьбы людей, жизнь устроена иначе? Веронике надо выжить, уцелеть в этом холодном и жестоком мире. Но оказывается, чтобы выжить, надо непременно помогать – пусть и тайно – другим, чужим и чуждым, в сущности, людям. А добро – вещь наказуемая. Вот и оказалась Вероника в мрачном чулане, в двух шагах от гибели, с почти уже нереальной надеждой, что во мраке ее отчаяния внезапно зажжется спасительный огонь...

ISBN 978-5-699-06780-0

© Маринина А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава 1	5
В доме напротив	5
Ника	6
На соседней улице	11
Ника	13
В доме напротив	21
Глава 2	22
Ника	22
В доме напротив	30
Глава 3	35
Ника	35
На соседней улице	48
Глава 4	55
Ника	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александра Маринина

Каждый за себя

Глава 1

В доме напротив

Он ненавидел этот дом, и эту квартиру, и эту комнату, и кухню, и ванную с туалетом. И коридор он тоже ненавидел. И грязную лестничную площадку, и вонючий подъезд, и шершавые ступени, и ободранные перила. Все это было так не похоже на то, к чему он привык. Конечно, утешало то, что здесь он ненадолго, во всяком случае, не навсегда, это уж точно. Но все равно он ненавидел и квартиру в целом, и каждую мелочь в ней, и эта ненависть душила его и мешала спать. Каждое утро он просыпался ни свет ни заря, задолго до треска будильника, наспех умывался, завтракал – сам, даже мать не будил – и убегал в институт. И куда только девалась его любовь поспать подольше! На все готов, лишь бы побыстрее уйти отсюда.

Он и из института приходил бы поздно вечером, но родители не поймут. И не простят. Он нужен дома. Он это понимал. Он нужен отцу, маме, нужен своему брату, который все еще в больнице и неизвестно когда оттуда выйдет. Есть ненависть, которая не дает дышать. И есть чувство долга перед близкими и любовь к ним, которая заставляет делать вдох, выдох и жить дальше. Жить здесь, в этой квартире, пропитанной чужим духом – духом бедности, беспросветного пьянства и беспросветного горя. Вообще-то, он не знал людей, которые жили здесь прежде, но отчего-то был уверен, что непременно были и пьянство, и горе, и скандалы. Тот, кто живет в ТАКОЙ квартире и в ТАКОМ доме, просто не может быть счастлив.

Матери повезло, она нашла работу в какой-то фирмочке, крохотной, но все-таки с зарплатами повыше государственных, а в свободное время еще по ученикам бегает, натаскивает их по немецкому языку. Дома почти не бывает, даже в выходные у нее уроки, так что ей все равно, в какой квартире жить, она здесь только душ принимает и спит. А вот отец проводит в этой дыре целые дни. И как он выдерживает?

Допил чай, стал засовывать в сумку учебники и тетради и снова, как и каждый день, натолкнулся на мысль: а что было бы, если бы он поступал в другой институт? Не в экономический, а в технологический, вместе с братом-близнецом? Как бы тогда все сложилось? Так же или по-другому? Они, совершенно непохожие друг на друга, всю жизнь были вместе, впервые расстались только на вступительных экзаменах, потому что выбрали для себя разные вузы. Костя, плечистый и сильный, всегда защищал более хрупкого и нежного Вадика, опекал его и вел себя как старший, хотя старшинство его исчислялось всего несколькими минутами. Они и по характеру различались: Костя решительный и жесткий, а Вадик обидчивый, сентиментальный и доверчивый, как девочка. Костя был уверен, что без него братишка пропадет. Так и вышло... И каждое утро, собирая учебники, Костя корил себя за то, что не плюнул на экономику и не подал документы в тот институт, куда поступал Вадик. Как он мог оставить брата одного, без помощи и поддержки? В том, что случилось, есть и его вина, Костина, и теперь нужно сделать все возможное, чтобы ее искупить. Поэтому никаких гулянок с сокурсниками, никаких девочек, ночных клубов и Интернет-кафе, после занятий сразу домой, помогать отцу. Вечером – к Вадке в больницу, отвезти ему книги, развлечь общим трепом и снова назад, в эту ненавистную квартиру, в этот ненавистный дом, стоящий на этой ненавистной улице.

Ника

Девочка Элли из «Волшебника Изумрудного города» шла к своей цели по дороге, вымощенной желтым кирпичом. Интересно, какими булыжниками выложена дорога, по которой иду я, Ника Кадырова? Некоторое время назад мне казалось, что под ногами симпатичненькая тротуарная плитка и по ней я легким прогулочным шагом под ручку с любимым мужем дошагаю до спокойной размеренной жизни, которую ведет замужняя дама, уверенная в завтрашнем дне. Теперь, однако, меня одолевают сомнения. Да что там сомнения – никаких сомнений уже нет, есть горькое понимание того, что меня столкнули в канаву, и как я буду из нее выбираться – никого не интересует.

Мой муж Олег меня бросил. Вот так просто и банально... После шести лет жизни в гражданском браке он уговорил-таки меня расписаться, а спустя еще несколько месяцев ушел к другой женщине. В принципе, ситуация типичная, ничего особенного, тысячи женщин остаются одни именно так: неожиданно и после долгих лет жизни в любви и согласии. Но в моем случае имелись некоторые нюансы.

Нюанс первый: для меня уход Олега был неожиданностью в самом прямом смысле этого слова, я не кривлю душой и не пытаюсь обманывать саму себя. Когда у мужа появляется другая женщина, существуют сотни признаков, как мелких, так и весьма заметных, по которым даже не очень внимательная жена может заподозрить неладное. Ну что я вам рассказываю? Будто сами не знаете... У меня не было возможности ничего заметить, потому что меня не было в Москве. На протяжении пяти месяцев я находилась в Ташкенте, где выхаживала свекра после инфаркта. Я очень люблю родителей Олега, они чудесные старики, и, конечно, когда свекор заболел, Олег тут же отправил меня к нему. А кого же еще посылать к тяжелобольному старику? Только Нику, которая, во-первых, врач и, во-вторых, все равно не работает, так что отпрашиваться у начальства или брать отпуск за свой счет ей не нужно.

Старика я выходила. И, вернувшись в Москву, в первый же вечер услышала радостную новость о том, что мы с Олегом больше не будем жить вместе. Выложенная тротуарной плиткой дорожка оборвалась неожиданно, и о том, что она упирается в канаву, меня не предупредили. Вот я и шагнула...

Нюанс второй: я не являюсь полноценной гражданкой России. У меня узбекский паспорт и справка из российского посольства в Узбекистане о том, что я оформляла российское гражданство. И никому почему-то не интересно было вникать в то, что российский паспорт мне в Ташкенте не выдали, потому что бланков не было. Их не было довольно долго, почти год, а потом я продала свою ташкентскую квартиру, и мы с Олегом переехали в Москву, куда его давно звали друзья. С его специальностью в Москве можно было устроиться на интересную и прилично оплачиваемую работу, в Ташкенте же перспектив не было никаких. И мы уехали. Олег со своим замечательным российским паспортом, который он успел оформить, когда бланки еще были, сразу нашел работу, и зарплата у него была такая, что можно было не дергаться по поводу моего трудоустройства. Мы снимали квартиру, наша хозяйка – дай ей бог здоровья – зарегистрировала нас по своему адресу, и я сидела дома и варила Олегу борщи. А чем еще я могла заняться без российского паспорта и без прописки?

И вот когда на меня рухнуло известие о неземной любви моего мужа, я с тем и осталась: с отсутствием паспорта, с отсутствием прописки и с отсутствием средств к существованию. Платить за жилье мне нечем, поскольку нет работы и зарплаты, а работы нет, поскольку нет прописки и паспорта. Мой узбекский паспорт никому в Москве оказался не нужен, да и справка из посольства отчего-то ни у кого энтузиазма не вызывала. Более того, когда я еще не осознала всей глубины канавы, в которую шмякнулась, я предпринимала довольно неловкие попытки подняться и вылезти с наименьшими потерями, кинувшись в паспортный стол с вопросом о

том, как мне оформить паспорт. Меня подняли на смех, а справочку мою называли филькиной грамотой, к тому же недействительной. Более вразумительного ответа я не получила. Зато получила ценный совет, выцеженный сквозь зубы паспортисткой в перманенте: купить квартиру, получить прописку, тогда, может быть, и справку примут во внимание, и паспорт дадут.

Да, моя канавка оказалась куда глубже, чем я предполагала. Наивная... Я-то думала: получу паспорт, устроюсь на работу, все-таки я много лет проработала на «Скорой помощи», и с трудоустройством проблем не будет. Сниму какое-нибудь сверхдешевое жилье вроде комнаты в коммуналке в ветхом доме. И начну заново выстраивать свою жизнь, потихоньку, маленькими шажочками. Ан нет, Вероника Амировна, обломалось вам.

Сидела я в своей грязной глубокой канаве и озиралась по сторонам в поисках тропинки, по которой мне придется ползти дальше. Тропинка первая – вернуться в Ташкент, хотя квартиру я продала и жить мне там негде, но зато на работу возьмут без вопросов. Тропинка вторая – остаться в России и попытаться как-то выкрутиться. Но как?

Смехотворность ситуации заключалась еще и в том, что если для москвичей, равно как и для жителей любого другого российского города, я была и есть «приезжая нацменка» Вероника Амировна Кадырова, несмотря на типично славянскую внешность, то для узбеков я была и останусь русской, несмотря на узбекский паспорт. Был в моей жизни момент, когда можно было пойти по одной из двух дорог. По рождению я Вероника Андреевна Мельникова, так было записано в свидетельстве о рождении, и родители мои были русскими. Когда мне было шесть лет, мама вышла замуж второй раз, и отчим-узбек меня удочерил. Меня, само собой, никто не спрашивал, да если бы и спросили, вряд ли я смогла бы дать осмысленный ответ, ведь своего родного отца я не знала и никогда не видела. Мне сменили документы, и я превратилась в Веронику Амировну Кадырову. Дорогу за меня выбрали взрослые, я могла остаться Мельниковой, но они решили, что лучше пусть я буду Кадыровой. И вот эта выбранная ими дорога привела меня к тому, к чему привела. Я, в общем-то, понимаю ту паспортистку в перманенте: стоит перед ней тетка с отчеством Амировна и с фамилией Кадырова и утверждает, что она русская и у нее есть российское гражданство. Ну как тут поверить? Ясное дело, что справка о гражданстве липовая. И никаких документов о том, что по рождению я Мельникова, у меня, естественно, нет.

Правда, дорога, проложенная мамой и отчимом, привела меня к Олегу, которого я очень любила и с которым была счастлива, а если бы я осталась Мельниковой, то неизвестно, как сложилась бы моя жизнь. Может, лучше. А может, и хуже. Нам знать не дано.

Потом был еще один момент, когда я могла принять решение и выбрать одну из двух дорог. Это была регистрация нашего с Олегом брака. Можно было сменить фамилию и стать Вероникой Седых. Можно было остаться Кадыровой. И почему я не взяла фамилию мужа? Все-таки легче было бы. Паспорт у меня был бы по-прежнему узбекским, но хоть фамилия была бы в нем русская. Впрочем, еще неизвестно, куда меня привела бы та невыбранная дорога. Возможно, канава, в которой я очутилась, оказалась бы еще глубже и грязнее. Нам знать не дано.

Я вообще люблю эту тему – тему дорог, которые мы выбираем. Началось все давно, когда мне было лет семь или восемь. Мама нарядила меня в красивое платьице, повязала в волосах роскошный бант и повела в театр на детский спектакль. Как я ждала этого дня! И вот дождалась. Мы, такие нарядные и радостные, вышагиваем в театр. А навстречу, как назло, топал мой заклятый враг одноклассник Мишка. Я успела заметить взгляд, который он кинул сначала на мое чудесное платьице, потом на лужу... Это уже потом, много лет спустя, у меня выработалась мгновенная реакция, без которой на «Скорой помощи» просто нечего делать, а тогда я ничего не успела предпринять, и через какую-то секунду мое восхитительное голубое платье пришло в такой вид, что ни о каком театре не могло быть и речи. Я ревела во весь голос, мне было не только обидно оттого, что я не увижу спектакль, но и отчаянно стыдно, потому что

люди оглядывались на меня и, наверное, думали, что я нищая замарашка. Я попросила маму отвести меня домой закоулками. Мама искренне жалела меня и старалась утешить, как могла.

– Смотри, Ника, какие красивые цветы, – сказала она, показывая мне желто-фиолетовые ирисы, росшие за забором в чьем-то садике.

Я тут же забыла о своей горе и уставилась на это чудо. Прежде я никогда не видела ирисы, и цветы показались мне просто волшебными.

– Если бы мы с тобой не пошли по этой улице, – продолжала мама, – ты бы не увидела эти сказочные цветы. А мы ни за что не пошли бы по этой улице, если бы Миша не испортил твое платье. Так что давай не будем на него сердиться, лучше скажем ему спасибо.

– Если бы он не испортил платье, я бы сейчас смотрела спектакль, – возразила я, все еще всхлипывая.

– Мы можем пойти в театр в следующее воскресенье, но ты никогда не оказалась бы на этой улице и не увидела бы ирисы, если бы не Миша. Понимаешь?

Как ни странно, я поняла. И с тех пор все события в своей жизни, даже самые малозначительные, обдумывала и оценивала с точки зрения дороги, по которой меня вынуждали идти эти события. Вся человеческая жизнь представлялась мне в виде постоянно разветвляющихся тропинок, и на каждой развилке – момент принятия решения, момент выбора, порой совсем простого и очевидного, порой сложного и мучительного, а порой и просто по принципу «чет-нечет», потому что совершенно неясно, каковы будут последствия того или иного выбора, ты ничего не можешь спрогнозировать и принимаешь решение наугад. Это как в преферансе, когда противник играет мизер и ты знаешь, что при раздаче и после взятия прикупа у него оказались три ловленные карты. Две он снес, одну оставил, но какую? Угадаешь, какую карту он оставил, – заставишь его взять взятку, а то и целый «паровоз», не угадаешь – он эту карту снесет и сыграет свой мизер. И вот начинаешь вдвоем с партнером гадать, что же именно игрок снес, а что оставил. Бывает, что помогает логика. А бывает, что и нет. И приходится просто гадать, как монетку подбрасывать.

Но это так, к слову. Экскурс в детство. Сейчас я уже взрослая, мне тридцать шесть лет, и сижу я в своей неуютной канаве и гадаю, то ли в Москве остаться, то ли в Ташкент возвращаться. И в том, и в другом решении есть свои плюсы и огромное количество минусов. А времени для принятия решения все меньше и меньше, через два месяца закончится срок последней полугодовой регистрации по адресу моей квартирной хозяйки. Хорошо хоть у Олега совести хватило заплатить ей за два месяца вперед, чтобы у меня было время на разгон. Но разгоняться можно только по дороге или, на худой конец, по тропинке, сидя в канаве, не больно-то разгонишься.

После месяца беготни по инстанциям с подъемом в четыре утра, чтобы в пять уже занять очередь, оказаться тысяча триста пятнадцатой и к концу рабочего дня убедиться, что тебя не примут или в очередной раз откажут, я поняла, что с паспортом и гражданством мне никак не прорваться. Надо было искать какой-то другой путь. И мне показалось, что я его нашла. По крайней мере, теоретически.

Мне нужно устроиться домработницей с проживанием. Тогда будет крыша над головой и зарплата. А если будет место, где спать, и деньги, чтобы жить, можно постепенно решать вопрос с оформлением своего гражданского статуса. Но для этого надо найти семью, где не будут обращать внимание на неопределенность этого самого статуса и на отсутствие российских документов. Идея показалась мне совершенно гениальной, и я утвердилась в своем мнении, взяв газету «Из рук в руки» и обнаружив не менее десятка объявлений о том, что требуется «помощница по хозяйству с проживанием к больному человеку». К больному! А я врач. Конечно же, у меня есть все шансы быть нанятой на такую работу.

Но меня ждало разочарование. И какое! Оказывается, великорусские шовинисты сидят не только в паспортных столах и миграционных службах.

– Как вас зовут? – доброжелательно спросили меня, когда я позвонила по первому из отчеркнутых в газете номеров.

– Вероника.

– А полностью?

– Ну что вы, можно просто Вероника, – глупо ответила я, потому что выяснилось, что истинный мотив вопроса остался мною не угадан.

– Назовите имя полностью, – голос в трубке заметно посуровел.

– Вероника Амировна Кадырова.

– Извините, вы нам не подходите.

Вот так. Но я еще тешила себя надеждой, что случайно нарвалась на людей, предпочитающих русскую домработницу. После восьмого звонка стало понятно, что ничего случайного тут не было. Из восьми телефонных разговоров в двух меня напрямую называли «нацменкой», а в одном, услышав мою фамилию вместе с отчеством, заявили:

– Да вы с ума сошли! И не звоните сюда больше.

В одной семье, кажется, пятой по счету, благосклонно выслушали мой послужной список и вежливо поинтересовались, почему это медик с высшим образованием ищет такую малопрестижную работу. Врать я не стала. Какой смысл говорить неправду? Если я совру и меня возьмут, то все равно придется показывать документы, и уж тут-то меня сразу выпрут пинком под зад. Если не за отсутствие статуса, то за вранье.

– Жаль, – вздохнула женщина на том конце провода, – а я уж было обрадовалась, что нашла человека для нашей бабушки.

Мне тоже было жаль. Ну ничего, на следующей неделе выйдет новый выпуск «Из рук в руки», там тоже будут объявления, и, может быть, мне повезет.

Следующий выпуск газеты меня ошарашил. Из двенадцати объявлений о помощниках по хозяйству с проживанием девять оказались теми же, что и в предыдущей газете. По этим номерам я уже звонила. Мне как-то в голову не приходило, что объявления повторяются из номера в номер на протяжении длительного времени. На звонки по оставшимся трем новым номерам ушло около часа. Результат оказался вполне прогнозируемым, женщина с узбекским именем и узбекским паспортом нужна не была. До следующего выпуска газеты, в котором может оказаться хотя бы один новый номер телефона, оставалась неделя. А до момента, когда мне придется освободить квартиру, этих недель оставалось всего три.

Разумеется, я пыталась решить свою проблему через фирмы, которые как раз и занимаются предоставлением населению услуг сиделок и домработниц, но ни в одной из них со мной даже разговаривать не стали. Они работают только с теми, у кого есть московская прописка или хотя бы российский паспорт с регистрацией в любом российском городе.

Ну что ж, у меня была целая неделя на экспериментирование, ведь я врач «Скорой помощи», и у меня никогда не опускаются руки, пока есть хоть малейшая надежда. И если у больного нет денег, чтобы купить нужное лекарство, я напрягусь и придумаю, чем его заменить.

Целый день я красивым четким почерком писала объявления. Еще день был потрачен на то, чтобы расклеить их по всему городу. Я вышла из дома в шесть утра и вернулась в десять вечера, и мне казалось, что я целиком состою из двух огромных отекающих ног, над которыми взгромоздился невероятных размеров желудок, истощно вопящий от голода. Теперь оставалось сидеть у телефона и ждать. Ждать нового выпуска газеты или реакции на мои объявления.

Газета вышла, в ней оказались четыре новых номера, но люди, отвечавшие по этим номерам, были все теми же: они не хотели иметь дело с приезжей «нацменкой» без прописки. И почему-то никто мне не звонил.

Миновала еще неделя, и мне пришло в голову, что нужно не мучиться принятием решения о выборе тропинки, а предоставить это судьбе. Если ей захочется, чтобы я осталась в Москве, за оставшиеся две недели она пошлет мне работодателей. Если она этого не захочет,

то работу я не найду и через две недели вернусь в Ташкент. Говорят же, что судьба помогает тем, кто идет правильной дорогой. Вот я и узнаю, какая из двух дорог правильная.

За два дня до истечения срока аренды квартиры раздался звонок.

– Вероника?

Голос был женским и незнакомым, значит, по объявлению. Неужели?..

– Да, я вас слушаю.

– Вы давали объявление...

– Да-да, – торопливо подхватила я. – Все правильно, это я.

– Скажите, вы действительно врач?

– Да, я могу предъявить диплом и документы о квалификации. И трудовую книжку. Я работала на «Скорой помощи».

– А почему вас не устраивает работа в медицинском учреждении?

– Видите ли... Не буду скрывать, меня бросил муж, и мне негде жить. Устроиться домработницей с проживанием – мой единственный шанс выбраться из той ситуации, в которую я попала.

– Вы что, рассчитываете до конца своих дней прожить в чужой семье? – В голосе незнакомки явственно слышалась насмешка.

– Нет, я рассчитываю скопить денег на то, чтобы купить себе квартиру. Я умею жить экономно и на роскошное жилье не претендую, меня вполне устроит дальнейшее Подмосковье, там жилье дешевое, я узнавала.

– Вы прописаны в Москве?

Ну конечно, а как же иначе. Разве могло обойтись без этого вопроса, от которого у меня делаются судороги в волосах. Но врать нельзя.

– Нет.

– А где вы прописаны? Вы приезжая?

– Я из Ташкента. Русская из Ташкента. Мы с мужем снимали квартиру, но теперь он живет с другой женщиной, и мне нечем платить за жилье. А поскольку у меня нет прописки, устроиться на работу по специальности я не могу.

– Вы давно живете в Москве?

– Четыре года.

– И где работали все это время?

– Нигде. Муж хорошо зарабатывал. Да меня никуда и не взяли бы без прописки.

Сейчас она спросит меня про фамилию, и на этом мероприятие можно будет считать завершенным. Господи, как мне это надоело!

– Пятьсот долларов в месяц вас устроит?

Ну вот, судьба сделала выбор. Вернее, дала мне понять, какое из двух решений для нее предпочтительнее. Она хочет, чтобы я осталась. Ну что кривить душой, я ведь тоже этого хочу. Сказать честно, почему? Не потому, что мне так уж безумно не хочется возвращаться в Ташкент. А потому, что я все еще надеюсь: Олег вернется. Он ведь не попросил у меня развод, он просто сказал, что полюбил другую и уходит к ней. А вдруг это временное помрачение рассудка, которое случается с каждым мужиком в интервале от сорока до пятидесяти? Это так и называется: кризис среднего возраста. Помрачение пройдет, и он вернется. И нужно, чтобы я была в Москве в тот момент, когда он захочет меня увидеть.

Судьба оставляла меня в Москве, и в тот момент для меня это выглядело предупреждением и обещанием: жди, он вернется.

На соседней улице

– Я запрещаю тебе так говорить о моем муже!

Напрасно она это сказала, ох, напрасно. Глупая, не понимает, что ему никто ничего не может запретить. Никто не имеет права своей властью запрещать лично ему что бы то ни было. Почему люди такие тупые? Почему они не понимают самых элементарных вещей?

Игорь молча распахнул входную дверь, снял с вешалки шелковый плащ и подал стоящей перед ним женщине.

– Я не хочу тебя видеть, – спокойно произнес он. – Уходи и больше не возвращайся.

– Игорь... – растерянno пробормотала она. – Игорь, ты что? Ты рассердился?

– Нет. Я просто не хочу тебя больше видеть. Уходи, – повторил он все так же спокойно.

– Но, Игоречек, это же глупо... Ты что, ревнуешь меня к мужу?

Она попыталась обнять его, но он резко отстранился.

– Ты такая же дура, как и все остальные. Убейся!!! – неожиданно заорал он.

Вытолкнул ее на лестничную площадку и с грохотом захлопнул дверь. Идиотка. Впрочем, как и все бабы. Да и мужики не лучше. Каждый козел норовит присвоить себе власть господа бога и управлять чужими жизнями. Каждый придурок считает себя вправе устанавливать собственные правила игры и что-то кому-то разрешать или запрещать. Да кто они такие?!

Он ни секунды не сожалел о том, что выгнал свою любовницу, более того, точно знал, что не примет ее, если она попытается снова прийти. Подумаешь, проблема, новую бабу найти проще простого. Игорь так и не уразумел до конца, что находят в нем женщины, ведь он так некрасив, и всю жизнь он был некрасивым и никогда не обольщался насчет своей внешности, однако телки западают на него, как говорится, на счет «три». Правда, у него есть деньги, но женское внимание с ними не связано, в этом Игорь не сомневался. На лбу у него не написано, что он богат, ездит он на скромненьких «Жигулях», а то и вовсе на метро, работает художником-оформителем в крупном издательстве. То есть вовсе даже не банкир и не звезда шоу-бизнеса. Деньги достались ему в наследство, большие, хорошие деньги, и тратил он их размеренно и аккуратно, чтобы хватило на долгие годы, не швырял и не проматывал, не шляется по ночным клубам и казино.

У него было Дело. Если Дело требовало, Игорь мог потратить любую сумму, никакие деньги не казались ему слишком большими для его любимого Дела. А женщины... Что ж, он покупал цветы, маленькие подарки, если нужно – водил в ресторан, то есть ухаживал красиво, но без излишеств. И потом, женщины у него подолгу не задерживались, он легко сходил с ними и так же легко расставался через три-четыре месяца, а то и раньше. Все зависело от того, сколько времени очередной возлюбленной удавалось принимать его таким, какой он есть, не произнося сакраментальных слов «я запрещаю тебе...». Некоторые, совсем уж дуры, ухитрялись сказать это уже на второй день, и им тут же указывали на дверь. Но в основном, Игорь заметил, попытки что-то запретить начинались через три-четыре месяца. Вероятно, именно столько длится у женщин инкубационный период, в течение которого вызревает и оформляется мысль о том, что этот парень (то есть он, Игорь Савенков) уже никуда не денется и можно начать лепить из него то, что, по мнению женщины, ее в наибольшей степени устроит. Игорь не был самодуром и при первом «я запрещаю тебе...» мягко объяснял, что никаких запретов, кроме божеских, отраженных в Уголовном кодексе, не признает и просит больше так не говорить. При втором же произнесении заветных слов прекращал отношения. Ну в чем дело, в конце-то концов? Он же ясно все объяснил, русским языком. Она что, тупая? Или глухая? Ни тупых, ни глухих ему не нужно, пусть катится куда подальше.

Игорь медленно обошел квартиру, заглядывая в каждую комнату, в кухню, в ванную. Его дом – его дворец, не крепость, а именно дворец. Он царствует здесь безраздельно, он ни от

кого здесь не прячется, он просто живет, но живет по своим законам и не позволяет никому соваться сюда с собственным уставом. Нет, не жаль ему ушедшей женщины и разорвавшихся отношений. Ушла эта – придет другая.

Остановился перед зеркалом и окинул себя привычно критическим взглядом. Ничего хорошего, и глаза невыразительные, и нос слишком большой, и волосы какие-то не такие... Совсем не красавец. Но бабам отчего-то это не мешает. Наверное, есть в нем что-то эдакое, что компенсирует и отсутствие мужской привлекательности, и довольно-таки средний достаток.

Он вошел в спальню, снял постельное белье и аккуратно сложил в большую спортивную сумку. Сегодня же надо отнести его в прачечную. Хотя белье, в сущности, совсем свежее, он постелил его только позавчера, но, коль эта женщина больше здесь не появится, белье следует снять и выстирать. И тщательно проверить всю квартиру на предмет дурацких мелочей, которые бабы обычно притаскивают в квартиры своих холостых любовников, всякие там халаты, зубные щетки, расчески и дезодоранты. Игорь таким образом вычищал свое жилище каждый раз после разрыва с очередной пассией. Он не был сентиментален, он был прагматичен. Во-первых, в доме не должно быть вещей, которыми никто не пользуется. Во-вторых, каждая такая вещь, будучи обнаруженной в неподходящий момент, может помешать развивающимся отношениям с новой подругой.

Уборка заняла почти полчаса, квартира большая, и нужно было проверить каждую полочку в каждом шкафу. Он не любил неожиданностей вообще, а неприятных – тем более. Мелочей, оставленных последней подругой, набралось почти на полный пакет, который без малейших сожалений был отправлен в мусоропровод. Вот теперь можно принять душ, переодеться, футболку и джинсы, к которым она прижималась своей надушенной одеждой, засунуть в стиральную машину.

И заняться наконец Делом.

Ника

Из восьми живых душ, вверенных моему попечению, самым приличным был Аргон. Добродушный, спокойный и рассудительный, он был к тому же наделен потрясающей чуткостью и способностью к сопереживанию. Уже на второй день проживания в своем новом доме я с уверенностью отдала ему первое место по человеческим и душевным качествам. На этом почетном месте Аргон пребывает и по сей день.

Номером вторым шел Патрик. Абсолютно непослушный, но, как ни странно, отважный и честный. Сотворив какую-нибудь пакость, он не убежал и не прятался, а нагло смотрел на меня широко расставленными глазами и мужественно ждал наказания. Наказать его, по совести говоря, очень хотелось, или запереть в темный чулан, или отшлепать от всей души, но я пасовала перед его нахальной отвагой. Может, именно это безрассудное нахальство и подкупало меня, а может, дело было в том, что Патрик часто болел и мне постоянно приходилось заниматься его лечением, что, как известно, стимулирует чувство привязанности. Так или иначе, но он стоял в моей иерархии следующим после Аргона.

Третьей была Кассандра, она же Кася. Высокомерная, целомудренная и жеманная. Эдакая благородная девица из пансиона. С точки зрения общепринятой педагогики, у нее был один недостаток, всего один, но, на мой взгляд, существенный: она ябедничала. С чувством собственного достоинства и завидной методичностью Кася «стучала» на Патрика. Только на Патрика и никогда – на Аргона, которого, как старшего по возрасту, она снисходительно терпела. Патрика же, самого младшего, Кассандра ненавидела, и, как я подозреваю, ненавидела люто. Но, будучи особой элегантной и воспитанной, не позволяла себе проявлять свои чувства слишком уж демонстративно, ограничиваясь мелким доносительством. При этом была она так невыносимо красива, так совершенна и гармонична, что я прощала ей все. Я просто не могла на нее сердиться.

Эти трое – Аргон, Патрик и Кассандра – не воспринимали меня как прислугу, именно поэтому им были отданы первые три места в моем сердце. С остальными пятью жителями этой огромной квартиры дело обстояло куда сложнее.

На четвертом месте стоял Николай Григорьевич, или, как я его называла про себя, Старый Хозяин. Было у него еще одно прозвище, которое я, разумеется, никогда не произносила вслух: Главный Объект. Именно из-за его больного сердца семье Сальниковых и понадобилась помощница «с проживанием», желательно умеющая распознавать развивающийся приступ и оказывать первую помощь, а наличествующая язва желудка требовала жесткой диеты и, соответственно, человека, выполняющего функции поварихи и диетсестры. Главной моей задачей было не оставлять Старого Хозяина дома одного. Ни при каких условиях и ни под каким предлогом. Так, во всяком случае, сформулировали цель моего найма. Уже потом, спустя пару недель, я поняла, что на самом деле мне придется не просто следить за самочувствием Главного Объекта, но и охранять его от всяческих волнений и переживаний, которые могут спровоцировать приступ. Но это уже потом...

Семидесятилетний Николай Григорьевич был чудным стариканом, некапризным и неприхотливым. И очень больным. Это я вам как врач говорю. Он прожил длинную и во всех отношениях достойную жизнь, был долго и счастливо женат, овдовел всего год назад, и портрет его покойной супруги Аделаиды Тимофеевны висел в его комнате. О своей Адочке он мог рассказывать часами, и уже к концу первого месяца моего пребывания у Сальниковых я точно знала, что «при Адочке все было не так». Я слушала его рассказы, смотрела на портрет женщины с жестким взглядом и сурово поджатыми губами и делала выводы. Адочка держала семью в железном кулаке, при ней никто и пикнуть не смел, у каждого был свой круг обязанностей, за исполнение которых строго спрашивалось. Никогда не вставал вопрос, кому идти

за хлебом или кому пылесосить ковры. Шестеро членов семьи были организованы в идеально отлаженный механизм, не дающий сбоев. Все любили друг друга, заботились друг о друге, и, конечно же, дедушка, сиречь Главный Объект, никогда не оставался один. Каждый день за ужином вся семья собиралась вместе, отсутствовать разрешалось только тем, кто пошел в театр или уехал в командировку или в отпуск. Даже поход в кино не считался уважительной причиной для отсутствия за ужином, ведь понятно, что театральные спектакли начинаются в семь вечера, и тут уж ничего не поделаешь, а в кино можно сходить и днем, и попозже вечером.

После смерти Адочки все пошло наперекосяк, и с этим бедный Николай Григорьевич никак не мог смириться. Он не понимал, почему так трудно стало устроить, чтобы кто-нибудь непременно был дома, почему вдруг оказывается, что нет хлеба или закончилось масло, и почему семья перестала собираться за ужином. Он не понимал... Но я-то понимала. Произошла нормальная реакция «отката». Сжатая до предела властной Адочкиной рукой пружина распрямилась и расшвыряла всех по разным углам. Теперь каждый член семьи, кроме Старого Хозяина, жил так, как хотел, им надоело быть винтиками в сложном механизме, сконструированном Аделаидой Тимофеевной, они возжелали побыть самостоятельными единицами. Всех всё устраивало, но... Был общий дом, который надо содержать в порядке. Была кухня, на которой желательно иметь приготовленную вкусную еду. Был дед. И с дедом надо сидеть. И никто не хочет жертвовать своими планами. Поэтому было решено пожертвовать деньгами и одной комнатой, бывшим кабинетом Адочки.

На пятом месте, следом за Николаем Григорьевичем, находился его сын Павел, Павел Николаевич Сальников. По моей личной классификации он относился к категории Гомеров, и не потому, что был гениальным рассказчиком или поэтом, а потому, что был Великим Слепцом. Я обожаю таких мужиков, они встречаются довольно часто и дают мне массу поводов для гомерического хохота. Правда, хохот этот бывает чаще горьким, нежели веселым, но все-таки... Великий Слепец – это человек, который категорически отказывается видеть то, что есть на самом деле. Это не дефект зрения, это характер такой. С Великими Слепцами легко ладить, достаточно всего лишь не заставлять их видеть и понимать то, чего они видеть и понимать не хотят. Но бог мой, как же трудно с ними жить!

Наш Слепец являл собой красивого мужчину сорока четырех лет, начальника отдела в какой-то фирме, торгующей кондиционерами. С тем, чтобы угодить ему с кормежкой, у меня проблем не было, он все равно не видел, что лежит на тарелке, потому как питался, уткнувшись в телевизор. Ему было абсолютно безразлично, насколько тщательно вытерта пыль и есть ли потеки на оконных стеклах. Он не видел вокруг себя ничего, в том числе и меня. По-моему, он даже не понял, что в семье появилась домработница, во всяком случае, ни с какими просьбами и поручениями он ко мне не обращался, а если ему что-то было нужно, он либо покорно ждал, пока кто-нибудь ему это сделает, либо оставлял свою потребность неудовлетворенной. О том, чтобы сделать это самому, вопрос как-то не стоял. Помнится, в один из первых дней я подала ему после ужина чай и забыла положить ложечку, чтобы размешать сахар. Гомер минут пять молча сидел над дымящейся чашкой, не отрывая глаз от телевизионного экрана, и я очнулась только тогда, когда обнаружила, что он помешивает в чашке черенком вилки. А ведь мог или меня попросить, или оторвать задницу от стула и сам взять ложку. Никто не принес – ладно, обойдемся... Главное, чтобы его никто не трогал, чтобы никто не приставал, чтобы ни с кем не нужно было разговаривать. Из рассказов Старого Хозяина я уже знала, что «при Адочке» ежевечерние отчеты о прошедшем дне были обязательными, при этом особо пристальное внимание уделялось именно сыну, он являлся для матери первоочередным объектом критики, ему без конца давались советы, и ему постоянно предъявлялись всяческие требования. И вот результат. Теперь Великий Слепец не стремится ни во что вникать и не хочет, чтобы к нему лезли.

Зато жена у Гомера более чем зрячая. Она не просто все видит, она видит даже то, чего и в природе-то нет. Знаете, есть такая категория людей, которые во всем сразу подозревают наихудшее. Если пошел дождь, то он непременно «будет теперь идти всю неделю», а если кто-то сказал комплимент, то к гадалке не ходи – «подлизывается, ему от тебя что-то нужно». У таких людей рюмка водки, выпитая после прогулки на тридцатиградусном морозе, – прямой путь к алкоголизму.

Вообще-то, Наталья Сергеевна мне нравится, во всяком случае, в ней нет ничего такого, что вызывало бы у меня явственное отторжение. Да, она относится ко мне как к прислуге, заваливает массой указаний и поручений, но ведь это моя работа, я за нее деньги получаю. Так что я не в претензии. И потом, она все-таки помнит, что прислуга – это не порода домашних животных и не разновидность бытовой техники, прислуга – это наименование должности, в которой состою я, Ника Кадырова. И у меня, как и у любого человека, есть такие вещи, как настроение, состояние здоровья, желания и потребности. Мадам (именно так я зову про себя Наталью) все это понимает и даже иногда пытается с этим считаться. Правда, далеко не всегда у нее это получается.

На двух последних местах в моей иерархии стоят детки – студент Денис и школьница Алена. Эта парочка на удивление быстро приспособилась к тому, что в доме есть домработница. Денис – сын Натальи от первого брака, отчество у него Владимирович и фамилия – Писаренко, а не Сальников. Алена же общая дочь Гомера и Мадам. Как эти двое меня достали... В страшном сне не приснится.

* * *

Самое трудное в моей новой работе – пережить утро в будний день. Первым, около половины восьмого, уходит Денис, ему долго добираться до института. В восемь двадцать убегает в школу Алена, без четверти девять отбывает Гомер, последней отплывает Мадам. К моменту ее ухода я должна успеть не только покормить всех завтраками (каждого – в свое время и по индивидуальному меню), но и выгулять Аргона, и сходить в магазин, и купить все, что нужно на предстоящий день. Это не зверство хозяев, а суровая необходимость: когда все разойдутся по местам службы и учебы, я не смогу уйти и оставить Николая Григорьевича одного. Таково было самое первое и главное условие моего найма.

Утреннее кормление личного состава – это целая эпопея, расскажу подробнее, чтобы было понятно. Старый Хозяин просыпается в шесть утра, минут через десять, после того, как он умоется и побреется, я должна принести ему чай с какой-нибудь плюшечкой, намазанной маслом. В семь питается Денис, причем обильно так, от души, котлетой или куском мяса с гарниром, желателен салат. В восемь кормится Алена, но назвать это кормлением можно с большой долей условности. Девушка помешана на манекенщицах и стремится стать такой же худой и плоской, как они, для чего, по ее мнению, нужно не есть вообще, а если что-то принимать внутрь, то исключительно руководствуясь рекомендациями опытных «похудистов». Завтрак Алены состоит из стакана кефира нулевой жирности и куска подсушенного в тостере «Бородинского» хлеба. Никакой другой кефир и никакой другой хлеб тут не проходят, и если я не обеспечу наличие требуемого продукта, будущая манекенщица уходит в школу голодной и с таким выражением на лице, какого вам, дорогие мои, лучше не видеть. И, разумеется, вечером мамочке всенепременно будет сообщено о том, что домработница не позаботилась о завтраке, и вообще неизвестно, чем она целыми днями занимается и за что ей деньги платят. Я ничего не выдумываю, своими ушами слышала.

В восемь пятнадцать в кухню вступает Гомер, который ест, в принципе, то же самое, что и Денис, только все это нужно снова греть. Без четверти девять, проводив нежной улыбкой мужа и закрыв за ним дверь, выплывает в шелковом пеньюаре Мадам, истово борющаяся за сохра-

нение и максимальное продление молодости и красоты. Отсюда и требования к завтраку: овсяная каша на воде, несколько кусочков свежего ананаса (купить и почистить который должна я), салат, состоящий из салатных листьев, горсти сухих овсяных хлопьев и черной смородины или любых мелко порезанных фруктов, содержащих витамин С. Плюс сваренный в турке кофе без кофеина.

С моей точки зрения, в таком завтраке не было ни малейшего смысла, я не спорю с полезностью овсянки, но если присутствует каша, то зачем еще и сухие хлопья? И если есть ананас, в котором витамина С выше крыши, то к чему салатные изыски? Но первая же моя попытка объяснить это Мадам натолкнулась на жесткую позицию: «Вы, Ника, не диетолог и ничего не понимаете». Я пробовала разговаривать и с Аленой по поводу того, что, кроме обезжиренного кефира и высушенного хлеба, существует масса других продуктов, столь же малокалорийных и неопасных для объемов талии. Ответ был таким же категоричным, но куда менее вежливым. И только длительные беседы со Старым Хозяином вразумили меня. Все дело было в Адочке, которая искренне полагала, что только она одна знает, как правильно питаться, и заставляла всю семью съедать по утрам обильные и калорийные завтраки, причем непременно с супом. Теперь же народ пошел вразнос, и если мужчины просто набивали утробу, то женская часть населения следовала вычитанным в дамских журналах полушарлатанским рекомендациям. И потом, суп на завтрак – это так провинциально! Мы же хотим быть европейскими людьми... Откуда в их головах появилось такое представление о провинциальности и европейскости – сказать трудно. Но оно появилось, пустило корни и расцвело, и с этим уже ничего не поделаешь.

Поход в круглосуточный магазин можно совмещать с выгулом Аргона, но в какой промежуток времени воткнуть это мероприятие? Между чаем Старого Хозяина и котлетами Дениса? Или между котлетами и обезжиренным кефиром? И в том, и в другом случае у меня примерно пятьдесят минут, в течение которых нужно быстренько одеться, домчаться до магазина, все купить, примчаться, раздеться и спроворить очередной завтрак.

Я пыталась экспериментировать, например, ходила в магазин вечером, когда хоть кто-то приходил домой. В этом был свой резон, но и свои сложности. Однажды я решила воспользоваться тем, что Алена явилась после школы, пообедала и устроилась в гостиной с книжкой, а не собралась, как обычно, куда-нибудь с подружками.

– Ты побудешь дома в течение часа? Я схожу в магазин.

– Я через десять минут уйду, – ответила Алена, не поднимая глаз от книги.

Через полчаса, закончив на кухне лепить пирожки с мясом, я заглянула в гостиную. Алена сидела в той же позе и, судя по всему, никуда не собиралась.

– Я не поняла, ты будешь дома или уходишь? – настойчиво спросила я. – Мне нужно выкроить время, чтобы сходить в магазин, я утром не успеваю.

– Я жду звонка, – холодно ответила она. – Как только мне позвонят, я тут же пойду.

«Как же, позвонят тебе, – сказала я маленьким язычком. – Никто и не собирается тебе звонить. Тебе просто нравится чувствовать, что я, взрослая тетка с высшим образованием, попала в зависимость от такой сопли, как ты».

А большим языком произнесла:

– Если тебе позвонят и выяснится, что тебе не нужно уходить прямо сейчас, ты меня, пожалуйста, поставь в известность. Я все-таки хотела бы сходить в магазин.

– Ничего, не убежит ваш магазин. Сходите, когда мама или папа придут. Или Дениска.

Хороший ответ. Папа раньше девяти не является, и его нужно будет сразу же кормить. Мама – человек свободной профессии, дизайнер-архитектор, мотается с утра до вечера по клиентам, объектам и торговым точкам, сочетая все это с общением с подругами и посещениями оздоровительных центров и салонов красоты, так что раньше десяти ждать ее не приходится. На Дениса вообще надежды никакой, если Гомер и Мадам хоть и поздно, но наверняка придут

домой, то с нашим студентом ничего заранее сказать нельзя. Во-первых, у него есть подружка с собственной квартирой, где он частенько остается ночевать. Во-вторых, существует такая вещь, как дискотеки и ночные клубы, откуда раньше двух часов ночи молодежь не возвращается. Итак, при самом удачном раскладе, если Гомер явится в девять и к половине десятого я освобожусь, можно бежать за покупками, но есть опасность, что именно в это время придет Наталья и, конечно же, будет страшно недовольна, что меня нет и некому немедленно подать ужин. То же самое и с Денисом, если меня не окажется на месте, он будет фыркать и нудеть. Остается ждать, пока придут все, и переться в магазин ночью.

Что ж, тоже вариант. Я решила попробовать. Отужинав всех по очереди и наведя на кухне стерильный порядок, я в двенадцатом часу ночи отправилась за продуктами. Надо ли говорить, что Алена, разумеется, никуда не уходила. Сперва она читала, потом делала уроки, потом торчала перед телевизором. И никто ей не позвонил.

Круглосуточно работающий супермаркет находился в пятнадцати минутах ходьбы от дома, то есть, в общем-то, не ближний свет. На всякий случай я взяла с собой Аргона. Конечно, охранник он тот еще, он, по-моему, даже лаять не умеет, но по крайней мере может напугать внешним видом: огромный черный русский терьер с лохматой мордой. На нем же не написано, что он залюбленный и заласканный добрейший пес, сроду не выдавший ни инструктора, ни собачьей площадки.

Меня легко обмануть. Я плохо разбираюсь в людях и никогда не могу вовремя распознать склонность ко лжи, трюсу или подлости. Но за годы работы на «Скорой» у меня выработалось одно замечательное качество, впрочем, возможно, оно было у меня изначально, иначе я бы просто не прижилась на «скоромощной» работе. Я абсолютно точно чувствую агрессию. Приезжая на вызов и обнаруживая пьяного мужа, избившего, например, жену, я могла мгновенно определить, исходит ли от него хоть какая-нибудь опасность. Если сомнительных личностей оказывалось несколько, я тут же мысленно делила их на тех, кто не опасен, и тех, от кого можно ждать внезапной вспышки ярости в адрес каких-то там докторов, которые нарушают так приятно текущий процесс совместной выпивки. Такие «пьяные заявки», как мы их называли, случались в каждое дежурство. Надо ли объяснять, что в защите от пьяной агрессии я хорошо натренировалась. С трезвым мужиком я, само собой, не справлюсь – ни роста, ни массы тела у меня не хватит, зато ловкости и хладнокровия вполне достаточно, чтобы обезопасить себя от раскоординированного алкоголем субъекта.

Этих двоих я заметила сразу. Они стояли на автобусной остановке, рядом с входом в супермаркет. Средняя степень опьянения и жгучее желание «добавить», причем как можно быстрее. Добавлять они собирались, естественно, на чужие деньги, поскольку своих просто не было.

Рядом ни души, и вся предстоящая картинка рисовалась мне четко и буднично. Приличные дамы не ходят пешком в магазин в половине двенадцатого ночи, и со мной можно попытаться договориться. Пригласить третьим номером. А уж потом, когда я откажусь поучаствовать в распитии, у меня начнут отбирать сумку в надежде обнаружить там кошелек с деньгами. Если бы не было сумки, можно было бы сделать вид, что я просто гуляю с собакой и никаких денег у меня с собой нет. Но сумка, как назло, была.

Я прибавила шаг и проскользнула в стеклянные двери супермаркета, оставив Аргона непривязанным (в целях экономии времени). Но толку от моего маневра было не слишком много, возжаждавшие добавки алкаши будут терпеливо ждать, когда я выйду с сумками, набитыми едой. Закуска – тоже нужная вещь. А может, им повезет, и я куплю спиртное. Я-то знаю, что им не обломится, но они пока пребывают в счастливом неведении. И что будет дальше?

А дальше, если все сложится так, как мне не хочется, в самый неподходящий момент подскочит милиция, или я сделаю что-нибудь не так, и придется вызывать «Скорую». Поход в

отделение, проверка документов и далее везде. Мои хозяева меня у себя не зарегистрировали и, насколько я поняла, делать этого не собираются. Я ведь им не родственник.

Набирая в корзинку продукты, я прикидывала варианты. Что так, что эдак, выходило, что без осложнений не обойтись. На магазинного охранника надежды никакой, он отвечает за порядок внутри, а не снаружи. Что ж, будем прорываться с боями. Спасибо тебе, темноглазая стройная Алена, тебе всего шестнадцать, а ты уже умудряешься своей вредностью ввергать людей в неприятности. Что-то будет, когда ты вырастешь?

Расплатившись, я набрала в грудь побольше воздуха и толкнула тяжелую дверь. Так и есть, вот они, любимые мои алкаши, сколько я их перевидала на своем веку – не перечесть. Стоят, на меня поглядывают. Ну, чему быть, того не миновать.

Оно и не миновало. Только обошлось без разговоров, видно, Аргоновы поросшие густой шерстью килограммы их как-то не вдохновили на общение. Они решили, что действовать надо быстро и без лишних слов. Это было разумно, я тоже предпочитаю действовать именно так. Возня получилась шумноватой, но короткой. Мне пришлось бросить сумки на землю, но у Аргона хватило ума тут же плюхнуться на них сверху. Ладно, не защитит – так хоть хозяйское добро сбережет. Правда, в этом месте была грязная лужа, но это ничего, полиэтиленовые сумки-пакеты не промокают. Аргон тоже не сахарный, не растает.

Тактика алкашей была мне понятна. Один выхватывает из рук сумки с будущей закуской, одновременно второй будет срывать с плеча сумочку в надежде на кошелек с деньгами. Ну, насчет кошелька они, положим, погорячились, я давно уже плюнула на элегантность и перекидываю ремешок сумки через шею. Получается по-детски, но зато эффективно. Так что за деньги можно пока не беспокоиться и сосредоточить основное внимание на том, который собрался покуситься на продукты. Для этого нужно всего лишь бросить сумки и подождать, пока он за ними нагнется. Тут и Аргон подоспел со своим хозяйственным рвением, так что все получилось даже проще, чем я предполагала. Охотник за вкусеньким растерялся, он не ожидал от собаки такой прыти, и мне вполне хватило времени, чтобы ударить второго, тянувшегося к сумочке, своим любимым ударом ребром ладони снизу в нос. Этот удар у меня всегда получался особенно хорошо. Он почти не травмирует, но жутко болезненный.

Другого, который зачем-то пытался вытащить сумки из-под Аргона, оказалось достаточно всего лишь пнуть ногой. Он стоял согнувшись и равновесия не удержал. Теперь главная задача – смыться, пока они не очухались.

Аргон, однако, моих стратегических намерений не отгадал и продолжал с удовольствием валяться на сумках. Я изо всех сил тянула его за ошейник и приговаривала что-то бессмысленное в надежде убедить пса пошевелиться. Пошевелиться он не хотел. Он хотел лежать и нюхать колбасу, сыр и сырую печенку. В общем-то, я его понимала...

Алкаши, грязно матерясь, собирались с силами для второй попытки. Тот, который получил удар в нос, все еще был плоховат, но второй уже стоял на ногах и тянул ко мне шаловливые ручонки. Аргон продолжал лежать и охранять вкусное. Меня охватила злость. Да что же это, все семейство Сальниковых ополчилось против меня: девчонка вынуждает ходить по улицам среди ночи, а собака не дает убежать от грабителей! В ярости я ткнула настырного алкаша локтем в солнечное сплетение, хорошо еще, что соотношение роста у нас оказалось удачным, и бить было удобно.

– Аргон, домой! – завопила я, дергая флегматичного ленивца за хвост.

Почему-то это подействовало. Пес вскочил как ужаленный и с обидой посмотрел на меня. Да бог с ним, пусть обижается, лишь бы ноги унести.

Ноги мы унесли. Но повторения пройденного как-то не хотелось. Пожалуй, ходить в магазин «в ночную смену» я больше не стану, уж больно район здесь непотребный.

Но то, что ждало меня дома, не шло ни в какое сравнение с эпизодом возле магазина. Дело-то было осенью и не в той ее части, когда в городе золотисто и сухо, а в той, когда уже серо, мокро и грязно.

– Ника, почему сумки все в грязи? – сердито спросила Мадам, едва я переступила порог. – Вы что, упали?

«Ладно, думай, что я упала, если не видишь, что у меня куртка чистая», – ответила я маленьким язычком.

Большим же языком, то есть вслух, ничего произнести не успела, потому что взгляд Мадам упал на Аргона, радостно ринувшегося обниматься с ее расчудесным кремовым халатом.

– Ника, я же вас предупреждала, не давайте Аргону валяться! Вы что, совсем за ним не смотрите? Ведите его немедленно в ванную и вымойте как следует. Черт знает что!

– Наталья Сергеевна, я не упала и не позволяла Аргону валяться, ко мне пристали пьяные грабители, и мне пришлось отбиваться. Извините, что так вышло, но сумки пришлось поставить на землю, и я не уследила за собакой.

Я не оправдывалась, но и скрывать правду смысла не видела.

– Какой кошмар! – переполошилась Мадам. – Зачем же вы пошли в магазин ночью? У нас такой район нехороший, всего несколько приличных домов, а в остальных живет всякая рвань и пьянь.

Вопрос мне понравился. Действительно, зачем я пошла в магазин ночью? Чтобы не суетиться рано поутру. Я ведь собиралась купить продукты днем, но Алена меня непустила. А потом нужно было ждать вас всех по очереди и обслуживать горячим питанием, причем каждого – по отдельному меню, потому что одни метут в три глотки, другие худеют, третьи оздоравливаются и омолаживаются, а у Главного Объекта, помимо больного сердца, имеется еще и больной желудок.

А мизансцена-то была прелестной! Я стою посреди просторной прихожей и держу одной рукой сумки, которые ввиду их испачканности нельзя ставить на пол, другой придерживаю за ошейник Аргона, стремящегося к теплу и уюту бежевого ковра в гостиной. Наталья громко и возбужденно разговаривает со мной. Великий Слепец сидит в двух метрах от меня и не отрывается от газеты. Дениса не видно – наверное, сидит за компьютером в своей комнате. А вот Алена стоит тут же, за спиной у матери, прислонившись к дверному косяку, и насмешливо смотрит прямо мне в глаза. Особенно мне понравилось выражение ее лица, когда Мадам заверещала, что мне следовало бы сходить в магазин днем, когда девочка пришла из школы. Ух, какое это было выражение! Жаль, что я не Франсуаза Саган, у нее такие описания очень яркими получаются.

– Ты слышишь, Паша? – Наталья обернулась к мужу и попыталась разговаривать с ним через газету, надежно укрывшую его лицо. – На Нику напали возле нашего супермаркета. Ужас!

Газета слегка шевельнулась, но не более того.

– Надеюсь, это не помешало вам купить мне кефир? – вежливо спросила Алена.

– Не помешало, – так же вежливо ответила я, пытаясь одной рукой удержать сумки, а другой запихнуть Аргона в ванную и при этом ничего не испачкать.

Никому из присутствующих, разумеется, и в голову не пришло мне помочь и взять либо сумки, либо собаку. Ну конечно, Мадам вся в кремовом, дочь вся в надменности, Гомер весь в заботах о судьбах внешней политики страны. Мадам, однако, надо отдать ей должное, вдруг спохватилась:

– Алена, ну как не стыдно, с Никой такое случилось, а ты про кефир спрашиваешь.

– Не нужно по ночам из дома выходить, тогда ничего не будет случаться, – ответила та и ушла к себе.

Ну что ж, резонно. С этим не поспоришь. Вот сучка, а?

В два часа ночи, лежа в постели в своей маленькой комнатушке, я сначала приняла решение больше без острой необходимости ночью в магазин не ходить, а потом тихонько заплакала. Как же так случилось, что из вполне благополучной, любимой, любящей и радующейся жизни женщины я превратилась в никем не любимое, зависимое существо, над которым безнаказанно может измываться шестнадцатилетняя соплячка? Все понимают, что деваться мне некуда, жить мне негде и положение у меня аховое. Но одно дело понимать, и совсем другое – пользоваться этим.

Из пятисот долларов, которые мне выдают в качестве зарплаты, я имею право тратить не больше пятидесяти. На зубную пасту и прочую необходимую косметику, на колготки, на междугородные звонки сестре в Ташкент, а также родителям Олега, которые не знают, что он меня бросил, и не должны узнать – они этого не переживут. Они уже старенькие и больные, они очень меня любят, и такой, мягко говоря, странный поступок сына подкосит их под корень. Оставить меня без средств к существованию, одну в чужом городе, и это в благодарность за то, что я выходила отца после тяжелейшего инфаркта, – нет, они этого не поймут. И я добросовестно звонила, как и прежде, два раза в неделю, врала, что Олег на работе, и выслушивала длинные и подробные отчеты о состоянии здоровья свекра и свекрови. И ведь не могу им сказать, что долгие разговоры влетают мне в копеечку: Олег же хорошо зарабатывает, какие могут быть проблемы! Олег знает, что я им звоню, мы с самого начала договорились не травмировать стариков.

Так вот, если жить на пятьдесят долларов, не покупать ни одежду, ни обувь и откладывать по четыреста пятьдесят в месяц, то через сорок месяцев я смогу начать искать какое-нибудь дешевое жилье километрах в семидесяти, а то и ста от Москвы. Сорок месяцев, почти три с половиной года. А если за это время цены на недвижимость вырастут? А если мне не удастся продержаться в режиме такой экономии? А если со Старым Хозяином что-нибудь случится и я стану больше не нужна? Или меня просто уволят, потому что я не подхожу, или найдется человек, готовый выполнять ту же работу за меньшие деньги? Или Мадам на меня рассердится за что-нибудь.

Я должна продержаться. Сцепить зубы и терпеть. Всем угождать, быть белой и пушистой и тщательно оберегать сердце и нервную систему Николая Григорьевича. Его жизнь и здоровье – залог моего благополучия.

В доме напротив

– Это его жена, точно, – уверенно сообщил Костя отцу. – Смотри, она там живет и гуляет с собакой.

– А ты уверен, что собака – та самая?

– Ну, пап, мы уж сколько времени за домом наблюдаем, никто с русским терьером не гуляет, только эта баба. На всей улице мы с тобой ни одного такого пса больше не видели.

– Все равно надо бы проверить, – задумчиво сказал Леонид Васильевич. – Мы не имеем права ошибиться. Ты не помнишь, как звали его собаку?

– Вадька говорил, что-то химическое, он не помнит точно, не вникал, когда тот про собаку рассказывал. Ему не до того было. Только обратил внимание, что слово из таблицы Менделеева, какой-то газ. Ну хочешь, я завтра подойду к ней и спрошу, как зовут собаку?

– Обязательно подойди, – кивнул отец.

На следующий день Костя вскочил в пять утра, он уже знал, что женщина выходит с собакой то в начале седьмого, то в начале восьмого. Позавтракал, собрал учебники и спустился вниз. Шел дождь, холодный и безысходный, как жизнь приговоренного к казни. Господи, как он ненавидел этот грязный, пропахший кошачьей мочой подъезд с облупившейся краской на стенах и обгрызенными ступеньками лестницы!

А вот и женщина с черным терьером. Идет быстро, словно по делам спешит, а не пса выгуливает. Костя выскочил из подъезда и кинулся через дорогу следом за ней.

– Ух, какой красавец! – Он постарался вложить в голос побольше восхищения. – Это у вас мальчик или девочка?

– Кобель, – улыбнулась женщина, не замедляя шага.

– И сколько ему?

– Шесть лет.

Терьер, будто поняв, что речь идет о нем, притормозил, внимательно поглядел на Костю и внезапно лизнул его руку. Костя тут же воспользовался моментом и присел перед псом на корточки.

– Ах мы какие ласковые! Ах мы какие славные! И как же нас зовут?

– Нас зовут Аргон. – Женщина нетерпеливо потянула за поводок. – Простите, но я очень спешу.

– Конечно-конечно, извините, – торопливо произнес Костя.

Теперь можно было не спешить. Пусть жена его Врага (или кем там она ему приходится) топает по своим неотложным делам. Он узнал то, что хотел. Инертный газ аргон, все сходится. Отец может не сомневаться.

Глава 2

Ника

– Николай Григорьевич, почему вы не отдавали Аргона на выучку? – спросила я на следующий день после происшествия возле супермаркета.

– Гошеньку?!

Старый Хозяин воззрился на меня так, словно я спросила юную курсистку с нежными розовыми ушками, почему она не участвует в групповом сексе.

– Его бы там били, – с непоколебимой уверенностью отвечал Главный Объект. – Вы разве не знаете, как инструкторы ломают собак? Нет, об этом не могло быть и речи. Адочка всегда была против этих бесчеловечных методов.

Ну ясное дело, Адочка была против. Необученный и не признающий никаких команд Аргон в свои шесть лет продолжал с детской непосредственностью жевать все подряд, включая книги, обувь и перчатки, и в мои обязанности входило следить, чтобы он не наносил хозяйскому имуществу ущерб. При жизни Аделаиды Тимофеевны эта милая особенность собачьего характера особого беспокойства не доставляла, поскольку кто-то постоянно находился дома, дабы бдить за здоровьем Старого Хозяина, и любые попытки Аргона попробовать на вкус что-нибудь новенькое в корне пресекались. За тот год, что семья прожила без железно руководящей Адочки, в список проблем оказались внесены не только несколько приступов, случившихся с Николаем Григорьевичем в отсутствие родных, но и приведенные в полную негодность любознательным и игривым терьером ботинки Дениса, лайковые перчатки Мадам, Аленина шубка из нутрии и неосторожно оставленная на кухонном столе сберкнижка, на которую Главному Объекту начислялась пенсия. В моей циничной душе зародилось даже нехорошее подозрение насчет того, что на самом деле главным объектом должен был стать не Старый Хозяин, а именно Аргон, за которым нужен глаз да глаз и которого ни в коем случае нельзя оставлять без активного пригляда. Николай же Григорьевич такового обеспечить не может, ибо в основном пребывает в своей комнате, читает, смотрит телевизор или спит. Убежище свое он покидает только ради того, чтобы поесть на кухне, воспользоваться санузелом или взять в бывшем Адочкином кабинете (ныне – моей конурке) очередную книжку. Все это поражало меня до глубины души, ведь русские терьеры – собаки очень умные, это одна из наиболее интеллектуальных пород, их легко дрессировать, только начинать нужно, как полагается, в раннем возрасте. Аргон прекрасно понимает человеческую речь, я хочу сказать, что он различает и знает смысл довольно большого количества слов и, кроме того, тонко улавливает интонации и душевное состояние присутствующих. Но одно дело – понимать, что тебе говорят, и совсем другое – делать, что говорят. Он все понимал, но почти ничего не делал, если это не совпадало с его личными намерениями и желаниями. Он не понимал команду «Ко мне!», но отлично отзывался на «Иди сюда, будем кушать», он не признавал слова «Фу!», зато мгновенно реагировал на фразу «Брось эту гадость, возьми лучше колбаску».

– А кто гулял с Аргоном до меня? – настырно продолжала я допрос.

Вопрос не был праздным. Надвигалась зима, и надо быть полной дурой, чтобы, живя в Москве, надеяться на сухие чистые тротуары. Интересно, как я буду в гололедицу выгуливать эти сорок килограммов живого недисциплинированного веса, имеющего дивную привычку рвать поводок в самом неожиданном направлении и в самый неожиданный момент?

– Павлушенька гулял, это была его обязанность. Если он был в отъезде или болел, тогда Денис.

Н-да, сто килограммов Павлушенькиного веса, пожалуй, могли обеспечить прогулку без эксцессов. Да и Денис ростом и статью не подкачал. Куда мне до них...

– А почему не Алена и не Наталья Сергеевна? – Моему коварству не было предела, но я все-таки надеялась хоть на каплю если не сочувствия, то понимания.

– Ну что вы, Ника, они же слабые, они Гошеньку не удержат.

Козе понятно, что не удержат. И я не удержу. И кончится вся эта эпопея с зимними гулянками куда как невесело: либо я не удержу Аргона, и он сбежит, за что мне будет устроен скандал с перспективой увольнения, либо удержу его, но ценой жестокой травмы. Хорошо, если обойдется травмой какой-нибудь из четырех имеющихся конечностей. А если головы? У нас в Ташкенте гололедицы практически никогда не бывало, но и при сухих тротуарах подобные травмы – не редкость, сколько раз я на них выезжала!

Короче, с сочувствием и пониманием я пролетела. Но зато сделала одно любопытное наблюдение. Великий Слепец в свои сорок четыре года оставался для отца Павлушенькой. Алена была Аленушкой, Мадам – Наташенькой, даже Аргон – Гошенькой. А девятнадцатилетний Денис для деда был Денисом, а не Дениской и не кем-нибудь еще уменьшительно-ласкательным. Неужели Старый Хозяин до сих пор помнит, что Денис – не родной внук, что он не Сальников, а Писаренко? Если причина именно в этом, то к моему пониманию характера Николая Григорьевича добавляется еще одна черточка. Не очень симпатичная.

В своей правоте я получила возможность убедиться, когда появился Патрик. Это отдельная песня, и я ее с удовольствием пропою.

Первым в семье, как я уже упоминала, появился Аргон, это случилось шесть лет назад. Потом, спустя два года, приобрели Кассандру, роскошную британскую голубую с длинной, как призыв муэдзина, родословной. К моменту моего появления в Семье (а я привыкла думать о своем новом жилище, совмещенном с работой, именно так) между Аргоном и Касей установилось устойчивое разделение труда. Аргон считал «британку» таким же объектом заботы и любви, как и присутствующих двуногих, Кася же воспринимала терьера как элемент интерьера в ее персональных владениях. Аргон хотел дружить с кошкой, играть с ней и общаться, Кассандра требовала от него неукоснительного выполнения определенных функций. По ее представлениям, каждая вещь (в том числе и двуногая) в ее владениях была предназначена для чего-то полезного: синяя миска – чтобы насыпать туда корм, красная – чтобы в ней была водичка, кухонный стол – чтобы ставить на него белые миски с кормом, необходимым для жизнеобеспечения одушевленных деталей интерьера, мягкая мебель в гостиной – чтобы на ней лежать, растекаясь во все стороны серо-голубым плюшевым тельцем, биде в ванной – чтобы иногда (по настроению) пить из него проточную воду, двуногие мужского пола – чтобы лежать у них на коленках и нежиться под мерным почесыванием их пальцев, двуногие женского пола – чтобы покупать корм и вычищать кошачий туалет. И так далее. В этой обширной «инструкции по применению» для Аргона была уготовлена функция транспортного средства. Кася забиралась на стену и висела, цепляясь коготками за обои (пресекать это безобразие, кстати, тоже вменялось мне в обязанности, потому как обои приобретали от таких упражнений отнюдь не товарный вид) и выжидая, когда Аргон пройдет мимо. В нужный момент она спрыгивала ему на спину и ехала, испытывая, судя по всему, чувство глубокого удовлетворения. Иногда, правда, она промахивалась, если пес трусил мимо слишком быстро, и падала ему на хвост. Но это прагматичную девушку ни капли не смущало, она цеплялась лапами за этот короткий обрубок и волочилась следом, как мешок с картошкой у обессиленного грузчика. Больше, по ее кошачьему мнению, огромный бессмысленный пес ни на что не годился. Ну разве что поспать, свернувшись клубочком у него под брюхом, но редко, только когда в квартире очень уж холодно.

Однажды, где-то на исходе второго месяца моей жизни в Семье и примерно недели через полторы после злосчастного ночного посещения магазина, Алена явилась домой с крошечным

пищащим комочком в руках. При ближайшем рассмотрении комочек оказался месячного возраста котенком мужского пола неопознанной породы.

– Он сидел перед подъездом и так жалобно плакал! – надрывно заявила черноокая надменница. – У меня прямо сердце чуть не разорвалось.

У меня, признаться, тоже. Во-первых, от жалости к несчастному, мокрому, дрожащему и питающему существу. Во-вторых, от ожидания последствий. Я совершенно не понимала, что меня ждет. О том, чтобы выкинуть страдальца за дверь, и речи быть не могло, он явно нуждался в помощи. Но дальше-то что будет? Как отреагируют на его появление родители Алены? Заставят избавиться от пришельца? Могу себе представить, с какими душераздирающими рыданиями это будет сопряжено. Алена станет биться в истерике, Мадам будет орать, котенок – пищать, Гомер, как обычно, самоустранится. Мое-то дело телячье, я прислуга, что скажут, то и сделаю, хотя тоже, наверное, обрыдаюсь потом у себя в каморке. Но если скандал выйдет слишком громким, то проблема перейдет в иную плоскость – в плоскость нервов, а следовательно, и здоровья Главного Объекта. Дед услышит, спросит, что случилось... Разнервничается? Трудно сказать, я к тому моменту не настолько хорошо изучила своих хозяев, чтобы прогнозировать их реакции на те или иные события.

Конечно, все может быть и по-другому. Тихо, мирно и в полном согласии.

Так оно и вышло. Мне на голову.

До возвращения с работы Мадам и Гомера я успела привести подкидыша в более или менее пристойный вид. Окинув его взглядом бывшего кошковладельца (в Ташкенте у меня всегда жили кошки), я быстро определила, что он явно нуждается в медицинской помощи. Надо же, такой маленький, а уже такой больной! Впрочем, если он потерял маму сразу после рождения и ползал неизвестно по каким помойкам, то чему удивляться? Он был даже не облезлый, а какой-то обгрызенный. Одним словом, зрелище не для слабонервных.

Пока я кормила его размоченным в воде сухим «Хиллсом», позаимствованным из Касиной синей мисочки, мыла и сушила, Алена, натурально, висела на телефоне, поочередно обзванивая подружек и повествуя в красках историю своего триумфального дебюта в роли Женщины, спасающей Животных. Ну что твоя Брижит Бардо, не меньше! А я тем временем обдумывала ситуацию и прикидывала, как лечить бедолагу. Можно отвезти его в ветлечебницу, но для этого нужно, чтобы кто-нибудь подменил меня дома. Можно вызвать ветеринара на дом, у Сальниковых есть свой звериный доктор, который пользуется Аргона и Кассандру, его телефон записан на самом видном месте, чтобы я немедленно вызывала его, как только с породистыми питомцами случится, не приведи господь, что-нибудь неожиданное. Но визит ветеринара стоит денег, и вызывать его без ведома и разрешения Мадам мне не позволено, а уж тем более к какому-то приبلудному коту. Впрочем, болячки у малыша имели характер не острых, а скорее хронических и вполне могли подождать денек-другой, пока все не устаканится.

Кася, разумеется, устроила сцену, как только почуяла присутствие в квартире собрата по семейству кошачьих. Она грозно мяукала, истерически фыркала, демонстративно втягивала носом воздух, высоко приподнимая верхнюю губу, а как только я попыталась познакомить ее с котенком, взяв того на руки и осторожно поднеся к ней поближе, Кассандра плюнула в меня. Да-да, плюнула. А вы что, не знали, что некоторые кошачьи породы отличаются умением плевать? «Британцы» умеют. К сожалению.

Аргон отреагировал более спокойно и поступил привычным образом. Стоило мне отвлечься на каких-то пять минут, и малыш, старательно вымытый и высушенный, оказался обсосан дружелюбным псом и снова превратился в нечто клочкастое и мокрое. Пришлось его снова вытирать и подсушивать.

Первым в тот вечер пришел с работы Великий Слепец.

– Ну конечно, пусть остается, – рассеянно бросил он дочери, когда та захлебнулась рассказывать свою животноводческую драму.

Гомеру было все равно, он ел чахохбили, смотрел программу «Время» и хотел только одного: чтобы к нему никто не приставал. Мадам явилась в прекрасном расположении духа: как выяснилось, заказчик принял у нее работу и заплатил весь гонорар без всяких проволочек, посему на радостях Алену не отругали, а котенка разрешили оставить и даже позволили вызвать на следующий день ветеринара. Так что все обошлось.

Это я так думала, что обошлось. На другой день ветеринар, обследовав котенка, составил мне километровую пропись с перечнем препаратов и описанием процедур, которые надо проделывать, пока все не заживет, не зарастет и не пройдет, а потом еще в течение некоторого времени для профилактики. Надо ли говорить, что ездить в ветеринарную аптеку на Никольскую пришлось мне и процедуры проделывать тоже должна была я. Алена ограничилась лишь разовым проявлением внимания к страждущему, принесла котенка домой. На этом ее участие в жизни животных закончилось. Но самым страшным оказалась проблема туалета. Котенка, названного Патриком, нужно было приучать, а пока он не приучится – ежечасно находить и замывать с хлоркой те места, которые он по недоразумению принял за сортир. Чтобы не провоняла вся квартира, я выступила с инициативой ограничить ареал обитания, например, Аленниной комнатой, раз уж та его усыновила, и встретила решительный отказ.

– Как я буду уроки делать и спать в комнате, в которой пахнет хлоркой? – возмутилась она.

– А где он, по-твоему, должен жить? – строго спросила Мадам, которой тоже не хотелось, чтобы Патрик писал и какал в спальне и в гостиной. – Ты его принесла, ты должна нести за него ответственность.

– А ты – мать и должна нести ответственность за мое здоровье, – отпарировала девица. – Хлорка очень вредная, ты сама сто раз говорила. Пусть Ника быстрее приучает его к лотку.

– Ника старается, – Мадам решила выступить на моей стороне, спасибо ей за это, – но она не Юрий Куклачев и не обязана уметь дрессировать кошек.

– За такие деньги, какие мы ей платим, она должна уметь все! – сформулировала Алена свое отношение ко мне совершенно, как говорит один известный политик, однозначно и захлопнула дверь в свою комнату.

Так, сделаем выводы. Во-первых, это замечательное «мы ей платим». Похоже, девочка считает, что это именно она платит мне зарплату, из собственного кармана вынимает, от сердца отрывает. В кино лишний раз не пойдет, без утреннего кефира останется, а жалованье мне выдаст, но уж в ответ на такое самопожертвование я обязана делать все, что ей понадобится, читай – в голову придет. В том числе и возиться с бездомными кошками, которых она, умирая от восхищения собственным благородством, будет приносить домой.

Мадам выглядела совершенно расстроенной и неприкрытым хамством дочери, и тем, что не может предложить мне единственное, на ее взгляд, приемлемое решение. То есть она это решение видит, но произнести вслух у нее язык не поворачивается. Что ж, это ее украшает. Ума маловато, но совесть все-таки есть.

– Ника... – робко начала она и запнулась.

Придется помочь, ведь другого выхода я тоже не вижу, а мальца жалко, он же не виноват, что его жизнь сложилась так коряво.

– Конечно, Наталья Сергеевна, Патрик будет жить в моей комнате, пока не приучится к лотку. Вы не беспокойтесь, ковры не пострадают.

– Спасибо, Ника, – облегченно вздохнула Наталья.

Так мы с Патриком оказались вдвоем в моей маленькой комнатке. Нет, втроем, потому что вместе с котенком в бывший Адочкин кабинет перекочевал и кошачий лоток, наполненный «Катсаном». Лоток я посчитала за отдельную единицу, ибо он в силу своих размеров съел значительную часть и без того небогатого пространства, свободного от дивана, книг и письменного стола с компьютером. А ведь еще нужно было пристроить мисочки для воды и корма.

Через пару дней нас стало четверо: к котенку и лотку прибавился запах. А с проветриванием большие проблемы, комната настолько мала и все предметы в ней находятся так близко друг от друга, что Патрику даже в столь юном возрасте и мелком калибре не составляло труда добраться до подоконника, куда его постоянно толкало вполне естественное любопытство. Открывать окно можно было только в моем присутствии, а учитывая объем работы по дому, присутствия этого было совсем не много.

Так мы и жили с найденным. Я засовывала ему в ушки ватные турундочки, смоченные в лекарстве, а в попку – лечебные свечки, мазала мазями и делала уколы, дважды в день отмывала в ванной полиэтилен, которым укрывала по возможности максимальное пространство, возилась с хлоркой, ибо, как известно, кошки очень любят писать как раз туда, где пахнет их мочой. Улучив час-полтора, я неотлучно сидела в кабинете, зорко наблюдая за Патриком. Как только мне казалось, что он прилаживается к реализации насущной физиологической потребности, я, аки коршун, бросалась к нему, хватала и сажала в лоток.

Спать в эти дни я совсем не могла, мне все казалось, что стоит мне задремать, как котенок тут же запрыгнет на постель и использует ее вместо туалета. Я бдила и ловила момент. От запаха подташнивало и болела голова. От чувства собственной униженности и от жалости к Патрику болело сердце. В какой-то момент я поняла, что мы с ним удивительно схожи: оба оказались бездомными и никому не нужными.

Это открытие так потрясло меня, что я, здравая и несклонная к излишнему романтизму тридцатилетняя баба, не уследила за собой, расплакалась и заговорила с Патриком вслух:

– Так получилось, малыш, что в этом доме ты никому не нужен, Алена принесла тебя под влиянием порыва, Наталья разрешила тебя оставить, потому что была в хорошем настроении, а в сущности, всем на тебя наплевать, никто тобой заниматься не хочет, никто тебя не любит, просто вышвырнуть рука не поднимается. От тебя одни проблемы, ты гадишь во всех углах и на всех поверхностях, с тобой нужно возиться, тебя нужно лечить и воспитывать. А никто не хочет. И я такая же, как ты. Меня бросил муж, которого я люблю, и я в этом городе осталась бездомной, безденежной и никому не нужной. Никто не станет возиться со мной, чтобы вытащить меня из ямы. Только я сама могу себе помочь, чтобы выкарабкаться. И ты тоже должен сам себе помогать, если хочешь остаться здесь и всегда иметь крышу над головой и еду. Понял? Ты должен быстрее научиться ходить в лоточек, тогда тебя выпустят из этой конуры и разрешат бегать по всей квартире. Ты должен скорее выздороветь, чтобы все твои болячки зажили и чтобы никто не брезговал брать тебя в руки. Тогда тебя будут тискать, ласкать и любить. Понял?

Сама-то я, имея за плечами десять лет медицинской практики, брезгливой не была, но, кроме меня, к Патрику действительно никто не прикасался. Вот и сейчас я тихонько рыдала, уткнувшись лицом в его реденькую, противно пахнущую противолишайной мазью шерстку. И знаете, что самое удивительное? Мне показалось, он меня понял. Я всегда знала, что кошки – существа космические, они получают информацию из пространства, и пространство моей конуры, видимо, было в тот момент так переполнено отчаянием, тоской и печалью, что не почувствовать их котенок не мог. Он лизнул меня в глаз и принялся деловито выбираться из моих мокрых от слез рук. Соскочил с колен на пол и медленно, неуверенно пошел к лотку. Занес одну лапку над бортиком, оглянулся, и в его невнятного пока еще цвета глазах я отчетливо увидела вопрос: «Ты это имела в виду? Ты этого от меня добиваешься? Я ЭТО должен сделать, чтобы меня выпустили на простор?»

Наверное, мне показалось. Никакого вопроса не было, просто имел место переход количества повторяющихся эпизодов в качество запоминания. Я замерла, боясь пошевелиться и спугнуть правильное намерение. Патрик еще немного постоял в задумчивости, потом занес себя в лоток и сделал все как полагается. За что был тут же расцелован и угощен вкусной французской витаминной таблеткой в форме сердечка, позаимствованной мною втихаря из пакета,

предназначенного исключительно для высокородной мадемуазель Кассандры. Еще не хватало этому плебею покупать дорогие витамины! Это не мои слова, так сказала Мадам.

Еще почти месяц ушел на то, чтобы окончательно закрепить навык, долечить болячки и заставить Патрика твердо запомнить два слова: собственное имя и «нельзя». После чего я заявила Мадам, что несчастное животное можно выпускать в люди.

Его выпустили. Патрик оказался злопамятным. Ни Алена, ни Мадам для него больше не существовали. Видимо, в свое время он все-таки считал из пространства информацию о том, как они пытались отделаться от забот о нем. Признавал он только Старого Хозяина, Дениса и Великого Слепца, от которых ни разу не слышал в свой адрес худого слова. Ну и меня, само собой. Причем признание это выражалось совершенно по-разному. Например, он запрыгивал на колени к Николаю Григорьевичу, распластывался на его груди, прижимался мордочкой к его шее и блаженно урчал. Делал он это всегда по собственной инициативе, а вот к Гомеру он никогда сам не лез, но, если тот брал его на руки, послушно сидел и позволял себя гладить. Денис, которому с самого начала было наплевать на больного приبلудного котенка и который в силу полного равнодушия в бурных обсуждениях его судьбы участия не принимал, против ожиданий проникся к выздоровевшему Патрику симпатией и вместе с ним играл на своем компьютере. То есть играл Денис, а Патрик сидел на столе рядом с экраном, завороченно глядя на цветных мышек и рыбок, спасающихся от удавов и прочих охотников, и пытался их поймать. Денис уже давно, как вы понимаете, вышел из того возраста, когда играют в «мышек и рыбок», его интересовали совсем другие игрушки, с войной, самолетами, гранатометами и пистолетами, но к войне котенок был безразличен, а мышек любил, и великовозрастный Денис шел на уступки, чтобы развлечь маленького дружка. До того как заняться «стрелялкой», он минут двадцать гонял по экрану мышек и рыбок, на радость Патрику, после чего благодарный Патрик забирался к нему на широкое плечо и засыпал, измученный впечатлениями, то и дело принимаясь сонно нализывать шею или ухо своего Большого Брата. Денис таял от умиления и целовал млеющего от счастья котенка в нос. Ни Алене, ни Наталье этого не позволялось, при любой их попытке изобразить любовь к меньшему нашему брату он вырывался, царапался и шипел. Надобно заметить, что, когда болячки прошли, а шерстка стала густой и шелковистой, котик стал пользоваться у дам большим успехом, они то и дело норовили потискать его или приласкать, но безуспешно. Памятливый и принципиальный, он и не собирался их прощать. А ко мне он приходил спать. Если дверь в кабинет оказывалась закрытой, Патрик вставал на задние лапки и начинал передними иступленно скрести эту несчастную дверь, ломаясь ко мне в комнату, как внезапно вернувшийся из командировки ревнивый муж, которому почему-то не открывают. Он терпеливо ждал, когда я улягусь, запрыгивал на диван и устраивался у меня на голове.

У него была масса достоинств, о главном из которых я уже рассказывала. Патрик оказался мужественным и честным, при этом обладал прекрасной памятью и ничего не забывал. Но и недостатки имели место. Он воровал еду у Аргона и Кассандры, хотя его собственные мисочки никогда не пустовали. Он шкодил. Он упорно делал то, что нельзя, при этом, как мне кажется, отчетливо осознавая, что делает все это в пику Алене и Мадам. Именно им, и никому другому. То есть он делал как раз то, что, по его наблюдениям, вызывает у них негативную реакцию. Например, обкусывал и раздирал бумаги, пахнущие врагинями, будь то Аленыны тетрадки и учебники или чертежи, наброски и записи Натальи. И ни один предмет в квартире, пахнущий Главным Объектом, Гомером или Денисом, не страдал от его выходок. Свершив очередной акт вандализма, он оставался сидеть тут же, на месте преступления, и ждал последствий. Долго ждать обычно не приходилось, потому что Кассандра тут же находила меня и говорила «мяу» с такой особенной интонацией, вытягивая затейливую руладу, что я знала: Патрик опять что-то натворил. Кася ябедничала, но об этом я уже говорила. Она не желала мириться с самим фактом существования на своей территории другого кота, она ревновала, не подпускала Патрика

к себе, не желала с ним играть и плевалась. Ну и ябедничала, само собой. Очень по-девически себя вела наша изысканная благородная девица Кассандра.

Но все-таки Аргону я отдала первое место в своей душе не напрасно. Он все видел и все понимал, этот недисциплинированный, необученный, но бесконечно добрый и сострадательный русский терьер. Он безропотно позволял Патрику таскать куски из своей миски, ни разу не пнул его и даже не зарычал. Он понимал, что малышу хочется играть и что Кассандра ему в этом деле не подруга, и беспрекословно вовлекался в возню с мячиками, резиновыми и пластиковыми косточками и прочими подходящими объектами, хотя сам давно уже потерял к играм всякий интерес и предпочитал мирно подремывать на своей подстилке в холле. Когда Аргон зевал, Патрик немедленно залезал лапкой ему в пасть и ловил язык. Когда Аргон ел, Патрик прискакивал и начинал мелко крутиться между мощными лапами, подбирая с пола все, что выпадало из собачьей пасти. Когда Аргон спал, котенок настырно будил его, разбегаясь, прыгая и плюхаясь псу на спину или живот. Если это не помогало, в ход шло надрывное мяуканье прямо в Аргоново ухо или осторожное поцарапывание хвоста. Срабатывало безотказно. Аргон просыпался, зевал (тут же следовала очередная попытка поймать язык) и поступал в распоряжение Патрика. Результаты их совместных игрищ далеко не всегда получались безобидными, случались и опрокинутые цветочные горшки, и разбитые чашки, потому как котенок был жутко активным и энергичным, а пес – большим и не очень-то поворотливым. За тем, чтобы жизнь животных протекала без ущерба для хозяйского имущества, следить тоже должна была я...

Ну вот, теперь вы имеете представление о вверенном мне зверинце, и осталось только еще разочек вернуться к Старому Хозяину. Прошло несколько месяцев, Патрик подрос, превратился в красивого, но некрупного кота и вступил в пору лирических изысканий. Он хотел любви. И не мог ее получить в домашних условиях, поскольку Кассандру стерилизовали еще в годовалом возрасте. Котик метался, тосковал, он явно не понимал, что ему делать со своей проснувшейся взрослостью, и наконец решил, что надо бежать. Бежать на свободу, туда, где, может быть, найдутся ответы на волнующие его вопросы.

Я сдуру не сообразила вовремя, что происходит, и упустила момент. Когда я выходила к мусоропроводу, оставив дверь квартиры и тамбурную дверь открытой, Патрик сбежал. Обнаружилось это не сразу, я занималась уборкой и приготовлением ужина и не обратила внимания на то, что Аргон спокойно спит и никто к нему почему-то не пристаёт. Отсутствие кота выплыло наружу только с приходом Дениса.

Не буду описывать то, что происходило дальше. Но я была уверена, что меня уволят. Парень завелся с полоборота, к нему тут же присоединились дамы, младшая и старшая, Гомер, как водится, молчал, уставившись в телевизор, Николай Григорьевич разнервничался, услышав громкие разгневанные голоса и рыдания любимой внучки Аленушки, и я подумала, что если у него заболит сердце, то мое пребывание в Семье окажется более чем проблематичным. Зачем, в самом деле, нужна сиделка, если из-за ее нерадивости больному делается только хуже?

Слава богу, в разгар истерики раздался звонок в дверь. На пороге стоял сосед Виктор Валентинович, а из-за его ног в квартиру воровато прошмыгнул Патрик. У нас с соседом была общая тамбурная дверь, отделяющая обе квартиры от просторного лифтового холла. Оказывается, Виктор Валентинович возвращался домой и увидел Патрика, уныло сидящего перед этой самой общей дверью.

Первый выход в большую жизнь, судя по всему, успехом не увенчался, кот продолжал тосковать и нервничать. Но что-то такое там, на свободе, все-таки произошло, потому что спустя очень короткое время он начал нагло и недвусмысленно приставать к Кассандре. И вот тут-то я и услышала от Старого Хозяина:

– Ника, мне кажется, этот кот учит нашу Касечку плохому.

Я в этот момент делала ему массаж плечевого пояса, поэтому Николай Григорьевич не мог видеть выражения моего лица. Нет, ну как вам это понравится, а? «Этот кот», а не Патрик и даже не просто Котик, как его частенько называли. Этот приبلудный чужак. Но зато «Касечка». Любименькая. Родненькая. Породистая, с понятной и обеспеченной клубными печатями родословной. И это несмотря на то, что Касечка ни разу к деду не приласкалась и ни минуты не просидела у него на коленях, а Патрик Старого Хозяина тихо обожал и с исступленным восторгом мурлыкал, распластавшись на его груди. Более того, я уверена, что Патрик чувствовал сердечный недуг Главного Объекта и, как многие коты, лечил его своей особенной кошачьей энергетикой, ложась на больное место. Господи, да чему плохому он может научить Кассандру? Она и так уже все знает, по крайней мере, как надо «стучать». Вот это, по моим убогим представлениям, действительно плохо и недостойно. А хотеть любви – разве это плохо?

Беспородный найденыш Патрик навсегда останется для деда чужим, несмотря на всю кошачью любовь и ласку. И точно так же чужим для Николая Григорьевича является «не Сальников» Денис. Хотя парень, по моим наблюдениям, относится к старику куда теплее и внимательнее, чем «родненькая» Аленушка.

Но все это я произнесла маленьким язычком.

В доме напротив

Ох, как ему нравилась эта девчонка! С первого же дня, с первой лекции, да нет, что там, он заприметил ее еще во время вступительных экзаменов, такую живую, энергичную, плотненьким аппетитным колобочком катящуюся по длинному институтскому коридору. Темно-рыжие волосы плотным толстым шлемом облегают синеглазое лицо, улыбаются не только губы и глаза, но и плечи, спина, руки – вся ее невысокая крепенькая фигурка. Костя, опираясь на свой относительно богатый для его возраста опыт общения с девушками, всегда думал, что ему, как нормальному современному парню, нравятся «манекенщицы», не в смысле рода деятельности, конечно, а в смысле фигуры: высокие, плоско-тонкие, и чтобы ноги непременно росли от ключиц, никак не ниже, и чтобы одеты были стильно. Поэтому радостное оживление, охватывающее его каждый раз, когда рыженькая толстушка улыбалась ему или просто проходила мимо, он списывал на ту ауру жизнелюбия и излучаемого во все стороны счастья, которая исходила от Милы (да-да, ее зовут Милой, Людмилой, и фамилия у нее округлая, мягкая, уютная – Караваешникова). Костя не делал попыток познакомиться с ней поближе, тем более учились они хоть и на одном потоке, но в разных группах. Почему не делал? Потому что она не манекенщица, это во-первых, а ухаживать за аппетитными колобочками в наше время не модно. Во-вторых, у него все равно нет времени на все эти шуры-муры, ведь надо гулять, встречаться-проводиться, ходить в кафе, на дискотеки, в ночные клубы. Разве он может себе это позволить?

Но позволить хотелось. Очень. Особенно сегодня, когда как-то так совершенно случайно вышло, что они после занятий столкнулись у турникета в метро, вместе спускались по эскалатору, потом оказалось, что им ехать в одну сторону, по крайней мере до пересадки, до станции «Таганская», где Косте нужно было выходить, а Миле – переходить на «Марксистскую». Но пока добрались до «Таганской», выяснилось, что у них столько общих тем для разговора, что разговор этот прекратить вот так, сразу, ну просто никак невозможно. Костя мельком взглянул на электронные часы, висящие над въездом в тоннель, в конце платформы. Ему нужно непременно зайти домой, взять для Вадика теплый свитер и куртку – брат просил, ему разрешили гулять, но зима еще не кончилась, он мерзнет во время прогулок. И книги Костя для него приготовил, целую стопку, специально вчера на книжную ярмарку ездил. Так, взять книги и одежду и ехать в больницу, посетителей пускают с четырех часов, и Вадька, конечно же, ждет его, глаз с часов не сводит. Добираться до больницы с Таганки около часа – час десять примерно. Значит, самое позднее в три он должен выйти из дома. Сейчас двадцать минут третьего, от метро до ненавистной улицы, на которой стоит ненавистный дом, семь минут быстрым шагом. Десять минут нужно выделить на пребывание в доме: подняться в квартиру, перекинуться парой слов с отцом, если он там, уложить вещи и книги в сумку, спуститься вниз. Этот график Костя выдерживает ежедневно, только обычно он еще успевает пообедать быстро, потому что нигде не задерживается ни одной лишней минутки и ровно в двадцать минут третьего выходит из поезда на станции «Таганская». А если сегодня обойтись без обеда и вместо него поболтать еще минут пятнадцать с Милой? Они только-только заговорили о Коэлье, по которому в этом году вся Москва с ума сходит, и Костя отчего-то непременно хотел поделиться с девушкой своими мыслями по поводу прочитанного и услышать ее мнение. Да и Мила, кажется, тоже не спешит расстаться с ним.

Но взгляд, брошенный на часы, она все-таки приметил и тут же спросила:

– Ты спешишь?

– Да нет... то есть... – Костя запутался в словах и мысленно обругал сам себя. – Понимаешь, мне нужно к четырем часам к брату в больницу, а еще надо домой заскочить, взять для него кое-что.

– Хочешь, я тебя провожу? – неожиданно предложила Мила. – Мне спешить некуда, времени навалом.

Хочет ли он? Она еще спрашивает! Но ведь он не может пригласить ее в дом, ему стыдно показывать, в какой убогости он живет, а объяснить, что это только временно и связано с необходимостью, сложно. Объяснение может вырлиться на такую плоскость, где и проговориться недолго. А нельзя. Впрочем, есть один вариант вранья, вполне понятный и безобидный, главное – не сбиться. Если совсем припрет, можно сказать, что у них в семье финансовые трудности, и они сдают свою большую хорошую квартиру иностранцам за приличные деньги, а сами временно снимают дешевенькое плохонькое жилье. В сущности, это не так уж далеко от истины. Ненавистную квартиру они действительно снимают. И их собственная квартира действительно большая и очень хорошая. Только никаким иностранцам они ее не сдают.

– Знаешь, Мила, я бы очень хотел еще побыть с тобой, и спасибо тебе за предложение проводить. Только я не могу пригласить тебя к себе, ты подождешь меня на улице? Я мигом, только сумку соберу. Пять минут, ладно? Не обидишься?

– У тебя что, родители дома? – понимающе спросила она.

Ну вот, еще легче, и никакого особенного вранья пока не нужно, Мила сама подсказала ему причину, которую она считает уважительной.

– Да, – с готовностью кивнул он, – отец дома. Он человек сложный, не всегда адекватный, так что без предварительной подготовки незнакомых людей приводить опасно. Ну, ты сама, наверное, понимаешь...

– Понимаю, конечно, – засмеялась девушка. – У меня бабка такая же. Никого не могу к себе позвать, прямо кошмар какой-то. Ну пошли, – она потянула Костю в сторону эскалатора, – чего мы стоим?

Семь минут быстрым шагом обычно легко превращаются в двадцать и даже двадцать пять минут неторопливого счастья. Эта мысль пришла в голову Косте Фадееву, когда пришлось остановиться перед ненавистным подъездом.

– Подождешь? – на всякий случай спросил он, хотя вроде бы все уже было договорено и решено и Мила вызвалась поехать с ним аж до больницы.

– Конечно, беги, не волнуйся, никто меня здесь не украдет.

Он взлетел по лестнице к лифту, ворвался в квартиру, кинулся укладывать книги.

– Что это за девица с тобой? – послышался недовольный голос отца.

Ах ты черт, как же он упустил из виду, что отец целыми днями торчит у окна, наблюдает за домом напротив, выслеживает их Врага. И конечно, видел, как Костя подходил к дому с девушкой.

– С моего курса, – Костя попытался быть нейтральным и кратким. Авось отец удовлетворится минимально необходимой информацией.

– Зачем ты ее привел?

– Пап, я ее не привел, она ждет на улице. Я обещал дать ей конспекты переписать, она болела, пропустила несколько лекций.

– И как ты объяснил ей, почему не приглашаешь в дом?

– Сказал, что у меня отец болеет. Все в порядке, пап, не волнуйся. Новости есть?

– Ты мог бы спросить об этом первым делом. Такое впечатление, что тебе неинтересно... Вспомнил только под занавес, как будто ты мне одолжение делаешь.

Косте на мгновение стало стыдно. Отец прав, самое главное для них сейчас – Враг. И даже не столько он, сколько те люди, с которыми он связан и из-за которых Вадька не поступил в институт. Все брошено на алтарь этой цели, все силы, деньги, время, все мысли и планы. Но из-за Милы он позволил себе на несколько минут забыть об этом, отвлекся. Нет ему прощения.

– Прости, папа, ты не думай, что я забыл. Просто у меня цейтнот, я не хочу к Вадьке опоздать, ты же знаешь, какой он, если в пятнадцать минут пятого меня не будет, он подумает,

что я вообще не приду, и никто больше к нему не придет, и он никому не нужен, и все его бросили. Так уже бывало, и я не хочу, чтобы это повторялось.

Лицо отца смягчилось. Он помог сыну застегнуть «молнию» на дорожной сумке.

– Сегодня все как обычно, – торопливо заговорил он, стараясь не задерживать Костю. – Он утром поехал в институт, я его проводил, посмотрел расписание, у него две лекции, потом два «окна», потом он принимает зачет, с четырех часов. Раньше шести, я думаю, он не освободится. К шести я туда подъеду, посмотрю, как он проведет вечер.

– А два «окна»? Это же три часа свободного времени, он может уехать куда угодно и потом вернуться.

– Я уже это проверял, ты забыл? Первое время я постоянно торчал с утра до конца рабочего дня то возле института, то возле фирмы, где он работает. У него устоявшиеся привычки, этот человек не склонен к экспромтам. Когда у него «окна», он из института не уходит.

– Пап, – Костя уже стоял возле двери с сумкой в руке, – а может быть, мы неправильно рассчитали? Смотри, мы уже четыре месяца тут торчим, и ничего не происходит. Он с тем мужиком, о котором Вадька рассказывал, так и не встретился ни разу.

– Что ты хочешь сказать? – Отец нахмурился. – Что мы неправильно рассчитали?

– Ну, может, он с ним все-таки встречается, но не в городе, а прямо там, в институте. Или вообще у себя на фирме. Ты же за ним не следишь, пока он в институте, верно?

– Этого не может быть, – отрезал отец. – Этот человек не может там появляться. Не должен.

– Почему?

– Его могут узнать.

– Да кому он нужен? Кто его там будет узнавать?

– Не учи меня! Я знаю, что делаю.

Костя покорно вздохнул и выскочил на лестницу. Мила стояла возле подъезда, точно в том же месте, где он ее оставил, и читала детектив в мягкой обложке.

– Все в порядке? – Она с тревогой заглянула ему в глаза, и Костя подумал, что, наверное, рожа у него перекошенная, словно он гадости какой-то наглотался.

– Порядок, – бодро ответил он. – Можем двигаться.

– А чем болеет твой брат? Что-то серьезное?

– У него нервы...

Вдаваться в подробности не хотелось. Опасно.

– Он старший или младший?

– Ровесник. Близнец.

– Такой же, как ты? Один в один?

– Да нет, мы разнояйцевые, – улыбнулся Костя. – Совершенно друг на друга не похожи. Он нежный такой, ранимый, слабый, не то что я. Меня-то оглоблей не перешибешь, а Вадька у нас как одуванчик, на него даже дунуть посильнее нельзя. Вот в институт не поступил – и заработал нервный срыв.

Так, остановиться, куда это его понесло? Еще одно слово – и станет опасно. Про институт сказал, про нервный срыв – и достаточно, сворачиваем тему.

– И ты каждый день к нему ездишь? – В голосе Милы не было любопытства, во всяком случае, Костя слышал только искреннее сочувствие и даже желание разобраться в ситуации, чтобы быть полезной.

– Каждый. Ну почти, – тут же поправился он. – В выходные мать ездит, но не всегда, у нее работы много, бывает, что и по выходным она не может. А в будние дни она никогда не успевает, очень поздно заканчивает.

– А кем твоя мама работает? Ничего, что я спрашиваю? Просто мне все про тебя интересно.

Его бросило в жар. Кажется, даже волосы покрылись испариной. Ей интересно все, что касается его жизни. Разве так может быть? Девушка, от одного взгляда на которую ему становится пушисто и бархатно, сама предлагает проводить его, а потом интересуется им и его жизнью. Это сон, наверное. Или слюнявый женский роман, который он, Костя, по недоразумению начал читать.

– У меня мать – переводчик, ну и уроки дает, у нее учеников море. А твои предки чем занимаются?

– У-у-у, – Мила весело махнула рукой, – скукотища. Папаня банкротствует по мере умственных возможностей, маман тратит то, что он набанкует. Больше всех у нас бабка занята, следит, чтобы я замуж за проходимца не выскочила. Ей все кажется, что моя мама за ее сыночка по расчету замуж вышла, и второго покушения на папанины капиталы она не вынесет. Маразм, честное слово! Когда предки поженились, они вообще студентами были, еще при советской власти. Тогда во всей стране всего три банкира и было.

– Почему три? – не понял Костя.

– Потому что всего три банка и было – Госбанк, Внешэкономбанк и Стройбанк. Они оба в Плешке учились. Разве кто-нибудь мог знать тогда, как все дело обернется? Но бабке не объяснишь, она упертая как я не знаю кто. Невестку она, натуральное дело, выпереть из семьи не может, но уж на мне отыгрывается – будьте-нате. Так что имей в виду, я тебя к себе тоже приглашать не смогу, бабка из тебя душу вынет. А то и оскорбить может, у нее не задержится.

Господи, что она такое говорит? Что не сможет приглашать его к себе домой? Что не хочет, чтобы ее бабка обижала Костю? За восемнадцать лет жизни ему не приходилось слышать слов, которые казались бы волшебной музыкой. Вот сейчас и услышал.

– Странно вообще-то, – начал он и запнулся, потому что хотел сказать что-нибудь примитивно-грубоватое, чтобы скрыть восторг и смущение, но фразу до конца не придумал.

– Что странно?

– Да вот мы уже второй семестр вместе учимся, а разговорились только сейчас. И домой ездим по одной ветке, а раньше в метро не встречались.

– Ничего странного, – фыркнула Мила, – я в метро не езжу. Просто я вчера одному козлу крыло помяла, ну и себе, соответственно, тоже, и машина в сервисе стоит. Через неделю будет готова.

Вот, значит, как. Банкирская дочка. Ну все понятно, чего уж там. У нее небось и парень есть подходящий, которого бабка одобряет, но он временно отсутствует, поэтому сегодня у нее метро и непритязательный Костик, а через неделю будет машина и приличный кавалер.

– Какая у тебя тачка? – спросил он потухшим голосом, лишь бы что-нибудь спросить.

– «Бэха-треха».

«BMW» третьей модели. Недурно для первокурсницы.

– А твой постоянный парень чем занимается?

Спросил как о чем-то давно известном и само собой разумеющемся. Не нужны ему вредные иллюзии, пусть все будет ясно с самого начала, пусть будет больно сейчас, но уже через несколько дней это пройдет, и все станет как прежде.

– Понятия не имею. – Она пожала плечами и лукаво посмотрела на Костю. – Чем-то, наверное, занимается, если у него совсем времени на меня нет.

– Редко встречаетесь? – Костя попытался изобразить сочувствие и понимание.

Ясное дело, он такой занятой, ну прям такой занятой, что бедную девушку даже в кафе сводить не может, вот она от скуки и потащилась с Костей через весь город.

– Не то словечко. Просто-таки вообще ни разу еще не виделись.

Он заподозрил неладное, но не сразу, и продолжал задавать свои тупые равнодушные вопросы, чтобы показать: он ни на что такое особенно-то и не надеялся, и даже в голове не держал, просто едет себе в метро и болтает с едва знакомой однокурсницей.

– Вас что, заочно окрутили, как на Востоке?

– Ага, – она весело хмыкнула. – Боженька там, на небесах, всех по парам давно уже распределил, мне тоже кого-то назначил, только этот назначенный такой деловой, что никак время не выберет, чтобы со мной пересечься. Деньги, наверное, зарабатывает в поте лица. А может, бандитствует потихоньку, это тоже занятие серьезное. А может, уже и срок мотает. Или вот, как ты, к брату в больницу каждый день ездит, так что ему пока не до девушек.

Костю отпустило. Глупо, конечно, думать, что у такой чудесной девушки никогда никого не было. Были. Но сейчас, похоже, она свободна. И едет с ним в больницу не от скуки, а потому, что хочет побыть с ним. Только как же потом? Он пойдет к Вадику, а она? Неужели будет ждать его два часа? Потому что меньше двух часов он с братом не проведет, так сложилось с самого начала, и, если Костя попытается сократить время встречи, Вадька снова записхует, начнет думать, что он всем надоед, он всем в тягость... Нет. Два часа и ни минутой меньше.

Что же делать, когда они доберутся до больницы? Попросить подождать – немыслимо! Ни в какие ворота не лезет. Пригласить вместе навестить Вадьку? Нельзя. Вадька может сболтнуть что-нибудь лишнее. И потом, если он увидит Костю с девушкой, то сразу станет думать, что он своей болезнью разрушает личную жизнь брата, и далее со всеми остановками. С Вадькой нужно быть очень осторожным и аккуратным, на него действительно дышать нельзя, он сразу кидается с головой в идеи самообвинения и собственной никчемности, так и раньше было, а уж после срыва – полный караул!

Так как же быть? Дойти до больничного крыльца и мило попрощаться, дескать, спасибо за компанию, было очень приятно? Хамство.

– Костя, а рядом с больницей что-нибудь есть?

Вопрос застал его врасплох, Костя даже не понял, о чем Мила его спрашивает.

– В каком смысле «что-нибудь»? Дома есть, улицы, машины ездят.

– Кафе есть какое-нибудь? Лучше с Интернетом. Я бы в чате посидела, пока ты у брата будешь. У меня есть два любимых чата, такие прикольные – я от них балдею, могу целую ночь проторчать.

– Есть! – радостно воскликнул он.

Как все просто. И как все хорошо...

Глава 3

Ника

Вот вы, наверное, уже успели подумать о том, какая я хладнокровная и бездушная. Ну как же, муж меня бросил, а я не страдаю и не наматываю сопли на кулак. Вместо того чтобы лить слезы ручьем и рассказывать, как мне плохо, как я переживаю, как мне больно, особенно когда представляю себе, как Олег там с другой женщиной... И все в таком роде. Так вот вместо всего этого я вам пою романсы про бездомного кота, непослушную собаку и алкашей у супермаркета. Ведь подумали же, да? Конечно, подумали.

И напрасно. Вовсе я не холодная и не бездушная. Просто у меня всегда все в порядке. Я привыкла так жить. Что бы ни происходило, как бы погано ни было у меня на душе, на вопрос «Как дела?» я всегда отвечаю: «Нормально» и не пытаюсь грузить собеседника своими проблемами и переживаниями. Если есть что рассказать, образно говоря, «по фактуре» – делюсь непременно, я вообще-то не молчунья и потрепаться люблю. Но выплескивать всем подряд то, что у тебя на душе, – нет уж, увольте. Да и не нужно это никому, если вдуматься.

А на душе у меня первое время царило полное безобразие. Не стану описывать в деталях, каждую женщину хоть раз в жизни бросал любимый мужчина, так что всем и без моих причитаний все понятно. И как это больно, и как горько, и как сильна обида, и как непереносимо чувство униженности. Кстати, интересный феномен: почему мы, женщины, в такой ситуации чувствуем себя именно униженными? Наверное, это оттого, что сам факт ухода нашего любимого к другой мы воспринимаем как фразу: «Она лучше тебя». Она лучше, стало быть, мы, брошенные, – хуже. А ведь на самом-то деле глупость несусветная! Она не лучше, а мы не хуже, просто мы с ней разные. И нашему любимому до поры до времени было хорошо с нами, потому что мы со своим характером и внешностью отвечали, то есть соответствовали, его внутренним потребностям. Но время идет, люди меняются, развиваются, мы – в одну сторону, наши мужчины – в другую, и наступает рано или поздно момент, когда мы такие, какими стали, уже не соответствуем потребностям того мужчины, в которого со временем превратился наш избранник. Вот и все. И чем моложе пара, тем больше вероятность, что их развитие пойдет в разные стороны и они обязательно расстанутся. Потому что интенсивно человек развивается примерно лет до тридцати пяти, а то и до сорока. Пары, которые сошлись в сорок и позже, имеют куда меньше шансов на разочарование, потому что к сорока годам вкусы, интересы и потребности уже как-то устоялись, системы приоритетов и ценностей сформировались, и если люди устраивают друг друга такими, какие они есть, то так оно уж и останется. Исключения, само собой, бывают, не без этого. Но не часто.

Не думайте, что я такая умная и все это знала в момент ухода Олега. Ничего я не знала, поэтому рыдала и страдала, как говорится, в полный рост. С сердечными болями и мигренями, с высоким давлением, чернотой в глазах и прочими невротическими прелестями. Но... С тех пор прошло достаточно времени, чтобы я очнулась от ужаса и разобралась в ситуации. В Семье я уже больше года. Сначала я ждала Олега. Надеюсь, что поселившийся в его ребре бес порезвится и затихнет и он вернется. Все двери я оставила открытыми, каждый раз после телефонного разговора с его родителями я отзванивалась ему на работу и подробно пересказывала весь разговор, чтобы он при беседе с ними не попал впросак. Была с ним милой, шутила, спрашивалась о его здоровье. Короче, изображала идиллические отношения между взрослыми, все понимающими людьми. Правда, меня немного удивляло, почему Олег ни разу не предложил мне возмещать затраты на телефонные переговоры с его родителями, ведь для меня эти деньги

были куда как существенными. Но я сама себе маленьким язычком отвечала, что я ведь не жалею на свое бедственное положение, так откуда ему знать?

А потом прозвенел первый звонок. И не сказать чтоб тихонько.

– Ника, ты ведь сейчас на Таганке живешь? – как-то спросил меня Олег.

– Да, – подтвердила я, и в душе у меня все запело: сейчас он скажет, что хочет увидеться со мной, что соскучился.

– Слушай, у вас там есть какой-то магазин итальянской сантехники.

– Есть, – снова подтвердила я, совершенно не понимая, куда он клонит.

– Ты не могла бы туда сходить?

– Могла бы. А зачем?

– Понимаешь, мы ремонт делаем, но у нас совершенно нет времени днем по магазинам мотаться. Мы же работаем. Ты пойди туда и посоветуйся с продавцами, какая сантехника лучше, и узнай, какие там цены. Ладно?

Хорошо, что я в этот момент сидела. Просто-таки большая жизненная удача. Иначе быть бы мне с черепно-мозговой травмой. Олег, находясь со мной в зарегистрированном браке, живет с другой женщиной, приносит ей свою немаленькую зарплату, и на эту зарплату (на половину которой я имею законное право) они делают ремонт в ЕЕ квартире и покупают сантехнику, в которой ОНА будет мыться и справлять прочие гигиенические надобности. А я, брошенная без копейки и без крыши над головой Ника, должна ходить по магазинам и узнавать, какая техника лучше и сколько она стоит. Ну конечно, я же не работаю, не хожу к девяти в присутствие, я кто? Так, никто, домработница, прислуга. Пойду с корзинкой на базар, по дороге и насчет цен на унитазы справлюсь.

У меня аж дух захватило. Знаете, это очень занятный процесс, когда с одной стороны тебя обуревают возмущение, с другой – удивление, с третьей – стыд. Про возмущение, я думаю, вам понятно, можно не объяснять. Удивляло же меня, что я вообще это слышу от Олега. Неужели в нем вот это вот было и раньше, а я не замечала? Или раньше не было, а появилось только сейчас? Да нет, пожалуй, и раньше было, ведь спокойствие его родителей – это его проблема, сыновняя, а он легко и непринужденно переложил ее на меня. Дескать, старики распереживаются, ты уж, Ника, помоги. Но старики – это святое, и я как-то не придавала значения просьбе Олега регулярно звонить им, как и прежде. А ведь его просьба поспособствовать с унитазом, если вдуматься, из той же коробочки.

И было мне в тот момент жарко от стыда. Я умирала от любви к ЭТОМУ человеку? И умирала от горя, когда он меня бросил? Неужели я такая дура? Неужели я еще более слепа, чем Гомер?

Людям свойственно любить себя, и я не исключение. Считать себя слепой дурой было неприятно, и я быстренько вышла из виража, решив, что Олег, вероятно, просто сморозил глупость, не подумав, как она будет воспринята. Вполне простительная ошибка. С каждым случается.

Второй звонок прозвенел просто-таки оглушительно. Для каких-то надобностей Олегу потребовалось предъявить свидетельство о браке, а поскольку регистрировались мы в Ташкенте, то и свидетельство было на чистом узбекском языке. Находилось оно у меня.

– Ника, слушай, мне нужен нотариально заверенный перевод свидетельства, – заявил он.

– Приезжай и забирай, – ответила я без колебаний.

– А ты не могла бы узнать, где делают официальные переводы?

– Могла бы. Но ты можешь с этим справиться ничуть не хуже. У тебя тоже есть телефон, возьми «Желтые страницы» и позвони.

– Ну Никуша, – заныл он, – у тебя это так ловко получается! Слушай, может, ты найдешь эту контору, съездишь к ним, сделаешь все, потом заверишь у нотариуса, а?

Строго говоря, это было проблематично. Одно дело заскочить в магазин сантехники на соседней улице, и совсем другое – переться незнамо куда и тратить неизвестно сколько времени. Я ведь никогда точно не знаю, кто из членов Семьи и сколько времени собирается провести дома, а оставлять Главного Объекта в одиночестве невозможно. Конечно, нет ничего невозможного, если захотеть. Но вот должна ли я хотеть?

– А зачем тебе свидетельство о браке? – осторожно спросила я. – Ты собираешься подавать на развод?

– Ну что ты, Никуша, конечно, нет. Мы с Галочкой собираемся съездить к друзьям в Калифорнию, они нас приглашают отдохнуть, а в американском посольстве для визы обязательно нужно предъявлять свидетельство о браке, если ты женат, там вообще все очень сложно...

И еще десять минут я вынуждена была слушать печальную повесть о том, какие невероятные препоны приходится преодолевать моему бывшему мужу, чтобы вырваться на месяц отдохнуть с любовницей на калифорнийских пляжах. Если память мне не изменяет, перед моим отъездом в Ташкент к тяжелобольному свекру Олег мне говорил, что вот отец поправится, все тревоги закончатся, и мы обязательно поедем с ним в Калифорнию к этим самым друзьям, которых я, кстати, считала и своими друзьями, поскольку мы были хорошо знакомы. А теперь мне предлагалось оказать ему помощь в том, чтобы в эту поездку он отправился не со мной. Да уж не глючит ли меня? В самом ли деле это происходит? Может, я сплю? Или брежу?

После второго звонка выходить из виража было, пожалуй, потруднее. Зато после третьего, как и полагается в театре, занавес поднялся, и моим глазам предстала четкая и не очень-то приглядная картина. Я вдруг увидела Олега таким, каков он был на сегодняшний день. Это совсем не тот Олег, в которого я когда-то влюбилась и за которого выходила замуж. Это другой мужчина, инфантильный, остановившийся в своем эмоциональном развитии на уровне ясельной группы детского садика. Абсолютно чужой и абсолютно мне ненужный.

В тот день я поняла, что больше не буду его ждать. И мое пребывание в Москве утратило первоначальный смысл. Но к тому времени я проработала у Сальниковых десять месяцев, и мне удалось скопить четыре с половиной тысячи долларов. Иными словами, я уверенно и без сбоев шла по дороге, которую для себя наметила: жить «в людях» и копить на собственную квартиру. Что же теперь, отступить? Все бросить? Ни за что. Да и потом, я не могу вернуться в Ташкент, пока живы родители Олега, они сразу же узнают о моем приезде и догадаются об остальном. Вот попала ты, Кадырова! Это ж надо, чтобы так все сошлось: и в Ташкенте, и в Москве ты должна обеспечивать душевный покой стариков. Видно, планида твоя такая.

Ну а сейчас, поскольку с момента расставания с Олегом прошло больше года, в моей душе царит относительный покой. Я приняла ситуацию, смирилась с ней и не считаю нужным заламывать руки и строить из себя великомученицу.

* * *

Я совершенно не умею рассказывать «от печки», мне всегда хочется побыстрее подбраться к главному, и из-за этого мое повествование обычно получается сумбурным и путанным, потому что все время приходится возвращаться к началу и что-то дополнительно объяснять, или уж вовсе непонятным, если не возвращаться и не объяснять ничего. Одним словом, рассказчик я аховый.

К тому же меня сбивает с ровного повествовательного тракта неистребимое стремление найти нужную развилку, ту точку, тот момент принятия решения, который вывел меня именно на это ответвление дороги, а не на какое-нибудь другое. Поэтому, рассказывая свою историю, я постоянно оглядываюсь на прошлое и застреваю на событиях, которые вам кажутся совершенно неинтересными, но для меня имеют огромное значение. Уверена, например, что вы так

и не поняли, зачем я столь подробно описывала эпопею с Патриком. Да, миленько, даже, может быть, умилительно, но зачем? Какое это имеет отношение?.. Никакого. Для вас. А для меня имеет. Потому что именно в разгар выяснения, у кого в комнате должен жить котенок, пока не приучится к лотку, я впервые сформулировала свою задачу: я должна стоять на страже мира и покоя в Семье, чтобы никто ни на кого не сердился, никто не повышал голос, не плакал и не страдал, а если уж этого нельзя избежать, то чтобы Старый Хозяин ничего не видел, не слышал и не знал. Ему нельзя нервничать и волноваться. Пока Главный Объект жив, у меня будет работа и зарплата. И свою задачу я буду выполнять ценой любых усилий и любых жертв. Речь идет не о самопожертвовании, а о том, что у меня есть я, о которой никто, кроме меня самой, не позаботится. Все, что я делаю ради спокойствия Николая Григорьевича, я делаю для себя самой, для достижения собственной цели. Если хотите, можете назвать это эгоизмом, воля ваша. Я же называю это отчаянной борьбой за выживание. И ради тишины и покоя в доме я буду терпеть в своей крохотной комнатке Патрика вкупе с запахами кошачьих экскрементов, хлорки и наполнителя для лотка.

Да, все верно, тот эпизод и был «точкой разветвления» моей дороги. Про себя я именвала ее точкой «Патрик». От точки «Патрик» я двинулась дальше по одной из двух веток. А уж эта ветка, в свою очередь, тоже давала отростки, и мне приходилось выбирать, по какой веточке своего жизненного дерева ползти дальше.

От точки «Патрик» до следующей, которая называется точкой «Гомер», веточка вытянулась почти на месяц. Но точка «Гомер» тоже очень важна для понимания дальнейших событий, поэтому мне придется снова вернуться назад. Вы уж простите.

Итак, точка «Гомер». В один прекрасный день Мадам, придя домой, стала обнаруживать явные признаки нервозности. Нет, она ни на кого не сердилась, но каждые пять-десять минут куда-то звонила, ей не отвечали, и с каждой неудачной попыткой дозвониться в ней словно ту же и ту же натягивалась невидимая тетива. Мне даже показалось, что если вставить стрелу, то последствия выстрела могут быть, как выражаются медики, несовместимыми с жизнью. Судя по всему, Наталья и сама это понимала. По ее напряженному лицу было видно, что она судорожно пытается что-то придумать.

– Ника, Николай Григорьевич уже ужинал?

Я с удивлением посмотрела на нее. У Старого Хозяина жесткий режим питания, уж ей ли не знать! Ужин в 19.00. Кефир со сладкой творожной массой – в 22.00. Сейчас половина десятого. Так какие могут быть вопросы?

Но все это было сказано маленьким язычком. Большой же язык у меня вежливый и выдержанный.

– Да, Наталья Сергеевна, Николай Григорьевич ужинал.

– Он еще не спит?

Да ты что, матушка, совсем с глузду съехала? Какое «спит»? А кефир? А сериал про пограничников, который только в десять вечера начинается и который Старый Хозяин как раз на кухне и смотрит, аккуратно выедавая творожок с изюмом из упаковочного стаканчика? Ты что, первый день в этом доме живешь?

Маленький язычок, которому я акустической свободы не даю и который иногда в знак протеста пытается использовать мои глаза и мимику в качестве носителя информации, сделал мощный рывок, и я с трудом успела удержать его, а стало быть, и лицо в состоянии относительного покоя.

– Нет, Наталья Сергеевна, он еще не спит. Он в десять часов выйдет пить кефир с творогом и смотреть сериал.

– Ах да, я забыла...

Она снова схватила телефонную трубку и попыталась куда-то дозвониться. Не сказать чтобы успешно. Я продолжала лепить манты, которые заказал на ужин Денис. Он уже звонил,

сказал, что придет в одиннадцать. Мадам металась между кухней и гостиной, почему-то каждый раз надолго застревая в прихожей. Что происходит, хотела бы я знать?

Из своей комнаты выпорхнула Алена, придирчиво оглядела стоящую на кухне вазу с фруктами, схватила мандарин.

– Мам, а папы что, до сих пор нет?

Наталья дернулась и чуть не уронила телефонную трубку, которую так и таскала в руке.

– Он задерживается. Дядя Слава приехал из Орла.

– А-а-а, все ясно, опять будем бездыханное тело на себе таскать, – презрительно бросила Алена, ловко сдирая кожуру с мандарина.

– Алена!

– Да что такого, мам? В первый раз, что ли? Все равно Ника рано или поздно узнает. Как дядя Слава приезжает, так папа нарушает режим. А еще по праздникам, дням рождений и банным дням. Нике просто повезло, что пока еще праздников не было. А скоро Новый год, Рождество, 23 февраля, 8 Марта...

– Алена! – Наталья уже сердилась, это было слышно.

– Да ладно тебе, мам. Подумаешь. Ну придет, ну будет валяться в прихожей, мы его дотащим до какого-нибудь дивана, он там и проспит до утра. Только вот беда, папеч у нас храпит очень громко, когда напьется. Никому спать не дает. А так нормально.

Оставив мандариновые ошметки прямо на столе, Алена развернулась и скрылась в своей комнате. Кажется, я начинала понимать, из-за чего так дергается Мадам. Она боится, что муж явится в совершенно непотребном виде, и не хочет, чтобы это живописное полотно лицезрел Главный Объект. Потому и торчит поближе к входной двери. Потому и вопросы о Николае Григорьевиче задает. Потому и звонит без конца, пытается дозвониться до благоверного, чтобы, во-первых, понять, в какой степени опьянения тот находится, а во-вторых, узнать, когда он собирается прибыть к супружескому ложу. А Гомер, как водится, мобильник отключил, чтобы его глупостями всякими не доставали. А потом скажет, что у него батарейка разрядилась. Плавали, знаем...

– Ника...

Ну вот, сейчас она наконец разродится своей идеей. Что она там придумала? Давай уж скорее, что ли.

– Да, Наталья Сергеевна?

В отличие от меня Наталья умеет излагать четко, коротко и внятно. Этого у нее не отнять. В нескольких словах она описала мне ситуацию. Павел Николаевич, конечно же, не алкоголик, у него не бывает запоев, но он имеет обыкновение если уж напиться, то до потери человеческого облика. Вот этого самого нечеловеческого облика Николай Григорьевич видеть не должен. Старый Хозяин, понимаете ли, не приемлет такого термина, как «нарушение режима». Он полагает, что если человек сильно пьян, настолько сильно, что валяется на полу в прихожей, не раздевшись, и при этом оглушительно храпит, то это уже явный признак алкоголизма. Дело в том, что у Николая Григорьевича и Аделаиды Тимофеевны есть еще один сын, младший. По имени Евгений. Так вот он настоящий алкоголик, стопроцентный, лечился неоднократно. Поэтому Главный Объект так легко допускает мысль об алкоголизме и старшего своего сына, любимого Павлушеньки. И каждый раз, если не удастся Николая Григорьевича уберечь, вид валяющегося, расхристанного, пьяно храпящего Павла приводит к сердечному приступу у отца.

Надо же, оказывается, Великий Слепец способен на безумства.

– Вы хотите, чтобы я вышла на улицу, встретила Павла Николаевича и не пускала его домой, пока Николай Григорьевич не ляжет спать? – Ух какая я догадливая, самой противно.

– Ника, я была бы вам очень признательна, если бы вы...

Если бы я. Интересно, а почему не ты? Ты же жена, и это твой муж напивается, а не мой, и твой свекор болеет, а не мой. Впрочем, мой тоже болеет. Но это моя проблема, и я ее ни на кого не перекладываю. Хотя, если смотреть в корень, то Старый Хозяин и его здоровье – тоже моя проблема. Молчать, маленький язычок! Ишь, распустился. Мое дело телячье, что велят, то и делаю. Не пререкаться же мне с хозяйкой.

– Конечно, Наталья Сергеевна, я сейчас оденусь и выйду.

– Возьмите с собой Аргона.

– Я думаю, это лишнее, – осторожно возразила я.

С непослушным псом и пьяным хозяином я, пожалуй, одновременно не управлюсь.

– Но ему же все равно нужно гулять, – настаивала Наталья.

– Я потом с ним выйду.

– Ника, возьмите собаку. – В ее голосе зазвучал металл.

Тьфу ты, господи, да что же я за дура такая? Ясно как день, она боится, что Главный Объект выйдет к кефиру и сериалу и спросит, где Ника, почему кефир ему подает невестка, а не домработница. Если собаки нет, то ответ прост и понятен: Ника выгуливает Гошеньку. А если собака дома, вот она, мирно посапывает на своей подстилке в холле, то куда ушла Ника на ночь глядя? Конечно, Ника может уйти куда угодно, и в магазин (только вернется почему-то с пустыми руками, без покупок), и просто погулять (только почему-то без Аргона), и по делам (интересно, по каким?), но деда на мякине не проведешь, он только с виду тихий пенсионер, издавна поделивший весь мир на своих и чужих. Старый Хозяин все видит, все слышит и все понимает. Только до поры до времени виду не показывает, в себе держит. Кажется, я забыла сказать: он старый чекист, вышел в отставку в звании полковника КГБ.

– Хорошо, Наталья Сергеевна. Не нервничайте, я все сделаю как надо. Если вы дадите мне с собой свой мобильник, я смогу держать вас в курсе.

– Спасибо, Ника.

Впервые за весь вечер ей стало легче, даже я это почувствовала. Вот глупышка, давно бы уже сказала мне все как есть, я бы ее сразу успокоила, пообещала бы гулять с Гомером вокруг дома до тех пор, пока Николай Григорьевич десятый сон смотреть не начнет.

Я сняла кухонный передничек, натянула куртку и кроссовки, пристегнула поводок к ошейнику Аргона и отправилась защищать границу. Не сказать чтобы с большим удовольствием, потому как курточка у меня на рыбьем меху, еще в Ташкенте купленная, там ведь не бывает таких сильных холодов, как в Москве. Просто удивительно, на что мы с Олегом деньги тратили, ума не приложу! Проживали целиком всю его зарплату, даже и не думая что-то откладывать, словно завтрашнего дня в нашей жизни не будет. И почему так? Я покупала себе дорогие костюмы и фирменный трикотаж, модельную обувь и хорошую косметику, а вот до шубы или хотя бы дубленки, не говоря уж о теплом толстом свитере, дело так и не дошло. Зачем они мне? При том образе жизни домохозяйки, который я вела при Олеге, мне не нужна была теплая верхняя одежда, ведь если я (или мы вдвоем) куда-то ехали, то, разумеется, на такси. Черт возьми, я ведь даже за продуктами ухитрялась на машине ездить, хотелось накормить его повкуснее, позатейливее, и я отправлялась довольно далеко в магазины, где, как я знала, всегда есть хорошая баранина для плова, или его любимый сорт зеленого чая, или тыква (Олег обожал манты с тыквой), или еще что-нибудь. Вот куда денежки-то расходились! Если мы шли в гости или в театр, то нарядные тряпки у меня были, а до места все равно на машине добирались, так что холода я особо не чувствовала. Вот теперь мне эта легкомысленность и аукнулась. Конечно, когда мчишься с Аргоном на поводке в магазин, стараясь успеть побыстрее, а потом возвращаешься, держа в одной руке поводок, а в другой – тяжеленные сумки, то и без куртки не замерзнешь. Вечерний выгул пса тоже к замерзанию не располагал, мы с ним быстрым шагом доходили до спортплощадки, где Аргон отпускался на вольный выпас, а я делала активную разминку, бегала, прыгала, подтягивалась на турнике. Это единственное, что

я могу делать для своего здоровья, живя в Семье. А вот так гулять, как мне пришлось в тот вечер, – это совсем другая история.

Далеко от дома уходить было нельзя, чтобы не пропустить Гомера. Пришлось неспешным шагом дефилировать по маршруту «по тридцать метров в обе стороны от подъезда». Время шло, организм коченел, Аргон скучал, быстренько пометив все доступные места и не испытывая ни малейшего интереса к тому, чтобы проделать все это по второму-третьему разу. А Великий Слепец где-то пьянствовал и не отвечал на звонки. Ника, Ника, для этого ли ты шесть лет училась в медицинском институте, торчала в анатомичке, зубрила по ночам латинские названия костей, а потом оттачивала свое мастерство, работая на «Скорой», чтобы теперь встречать пьяного мужика, которого нужно уберечь от встречи с впечатлительным папенькой? Куда жизнь тебя закинула, а?

Зазвенел мобильник в кармане куртки.

– Ника, Павел Николаевич только что звонил, он уже выезжает, будет минут через двадцать.

– А Николай Григорьевич?

– Смотрит сериал. Потом он будет смотреть еще какую-то передачу, только что анонс был, и он очень заинтересовался.

– Вы хотите сказать, что раньше чем через час нам появляться нельзя? – уточнила я.

– Вы уж простите, Ника, что так вышло... Но другого выхода я не вижу.

– Тогда вам придется самой варить манты для Дениса. Справитесь?

– Конечно, Ника. Спасибо вам.

Приятно. И домой ведь нельзя вернуться, чтобы погреться хотя бы эти двадцать минут, прозорливый Старый Хозяин, сидящий на кухне перед телевизором, непременно поинтересуется, куда это я потом снова отправилась. Зайти, что ли, в подъезд, там хотя бы не так холодно...

Нет, если есть двадцать минут, то я лучше прогуляюсь быстрым шагом: и сама согреюсь, и собаке развлечение. Уже почти одиннадцать, и, памятуя свои приключения у супермаркета, я решила не искушать судьбу, а обогнуть дом и пройти по той улице, где расположено отделение милиции. Какие-никакие, а все-таки милиционеры.

Я бодро направилась в выбранном направлении и нос к носу столкнулась с Денисом. Все верно, уже без десяти одиннадцать, просто невероятно, как это современный молодой студент умудряется быть таким пунктуальным. По-моему, среди молодежи обязательность и пунктуальность никогда не были в моде.

– Привет! Гуляете?

– Гуляем.

– А манты? Я всю дорогу о них мечтал, жрать хочу до судорог.

– Тебя Наталья Сергеевна покормит.

– Да бросьте, Ника, пошли домой, поздно уже. Или вы только что вышли?

Я подумала, что получаю зарплату за домашние работы, а не за то, чтобы врать. Да и с какой стати? Может, в парне проснется сочувствие и он сам нетрезвого папашу покараулит? А потом и придет вместе с ним, как будто они у подъезда встретились.

– Я вышла давно и ужасно замерзла. Но Наталья Сергеевна попросила меня встретить Павла Николаевича.

– Зачем? – удивился Денис.

– У нее есть подозрение, что Павел Николаевич придет домой в не совсем адекватном состоянии, и ей не хочется, чтобы это видел твой дедушка. Я должна встретить Павла Николаевича и продержат его на улице до тех пор, пока Николай Григорьевич не уйдет к себе и не ляжет спать.

– Умно, – деловито кивнул Денис. – Решение оригинальное, но верное. Если дед увидит отца пьяным в хлам, такое начнется... Ладно, тогда желаю успехов.

Он скрылся в подъезде, а я с грустью смотрела на закрывшуюся дверь и думала о том, что с сочувствием я в очередной раз пролетела. Никто не собирается мне сочувствовать, потому что я кругом сама виновата. Виновата, что не оформила гражданство и не получила паспорт, виновата, что приехала из Ташкента в Москву, виновата, что захотела в Москве остаться. Виновата даже в том, что меня бросил муж. А раз сама виновата, то чего меня жалеть?

А возле отделения милиции кипела жизнь! Но какая-то странная, не милицмейская. Помимо машин с голубой полосой, перед зданием были припаркованы автомобили самого разного калибра, от скромных «Жигулей» до навороченных иномарок. На крыльце стояла группа солидных мужчин в дорогих пальто и куртках, все они оживленно и шумно что-то обсуждали, громко хохотали, жали друг другу руки. Аргон нашел под чахлым кустиком что-то интересное и надолго задумался, я не стала его дергать, пусть пес развлечется. Стояла и смотрела на милицмейское крыльцо. Мужчины постепенно спускались с крыльца, садились в машины и уезжали, их места перед входом занимали другие, выходящие из здания. Когда появился очередной фигурант, то по огромным букетам, которые он нес в руках, я поняла, что здесь справляли чей-то день рождения. Скорее всего, начальника или кого-то из замов, и все эти дядьки на иномарках и в дорогих пальто приехали поздравить юбиляра. А мне уже так давно никто не дарил цветы...

Увлечшись разглядыванием букетов, которые суетливые прихлебатели укладывали в одну из машин, я и не заметила, как из общей массы поздравлянгов отделилась одна фигурка и двинулась в мою сторону.

– Добрый вечер, – послышался негромкий голос рядом со мной.

Я вздрогнула от неожиданности и с недоумением уставилась на невысокую неказистую личность в мятом плаще, вышедшем из моды, по-моему, еще до моего рождения.

– Здравствуйте, – машинально ответила я.

– У вас что-то случилось?

– Нет, у меня все в порядке. А что?

– Просто я смотрю, вы стоите прямо перед отделением милиции уже минут десять и никуда не уходите. Так обычно ведут себя люди, которые нуждаются в помощи, но не решаются зайти и попросить.

Я рассмеялась:

– Это собака стоит, а не я. Я просто жду, когда она завершит все свои важные дела.

В темноте мне было плохо видно лицо неожиданного собеседника, но все-таки удалось разглядеть, что ему под шестьдесят и что красотой он не блистал даже в лучшие годы своей молодости. От него пахло дешевым одеколоном и дорогим коньяком. То есть его на юбилей тоже угостили, наряду со всеми этими вальяжными, довольными жизнью, модно одетыми владельцами иномарок. Наверное, вон те жалкие ржавые «Жигули» как раз ему и принадлежат.

– В таком случае прошу прощения, – личность в мятом плаще изобразила легкий полупоклон. – Не смею мешать.

Он отошел от меня, но не сел в машину, а направился в сторону метро. Я посмотрела на часы: двадцать минут на исходе, пора возвращаться на позицию и занимать оборону.

Я едва успела. К подъезду мы приблизились с разных сторон, вернее, я подошла, а Гомер подъехал. Он не заметил меня, долго и с трудом выбирался из салона, путаясь в собственных ногах, потом стоял в полусогнутом виде, опираясь об открытую дверь, и разговаривал с человеком, сидящим в машине. Я так понимаю, это и был нарушитель Семейного спокойствия, некто Слава, с которым Гомер набрался, а теперь трогательно и проникновенно прощался. Наконец машина уехала, Великий Слепец разогнулся и, с трудом передвигая ноги, понес себя к двери подъезда. Тут-то я его и перехватила.

Я как-то уже упоминала о том, что благодаря работе на «Скорой помощи» получила обширный опыт общения с пьяными. Опыт этот позволил мне сформулировать ряд законов, один из которых гласил: «Никогда не пытайся объяснить пьяному, что он пьян, если он сам этого не понимает. Он все равно тебе не поверит». Поэтому не было никакого смысла говорить Павлу Николаевичу ни заранее по телефону, ни прямо сейчас о том, что ему не следует идти домой в таком виде, потому что он безобразно пьян и Николай Григорьевич просто не вынесет такого непотребного зрелища. А пьян он был крепко. Знаете, есть такой вариант опьянения, когда тело, следуя заданной программе, движется в сторону дома, но мозг уже не функционирует и ничего не соображает, и создается ложное впечатление, что раз человек держится на ногах и даже сознательно идет по нужному маршруту, то он еще вполне адекватен и с ним можно иметь дело. Нельзя. Ему ничего невозможно объяснить, потому что он тебя не слышит и слов твоих не воспринимает. Вернее, не так. Слова он воспринимает, но, во-первых, выборочно, то есть не все подряд, а каждое третье, и во-вторых, понимает их довольно-таки своеобразно. Поэтому слова должны быть очень простыми, хорошо знакомыми и понятными. И кроме того, их должно быть много, чтобы воспринятая треть оказалась достаточно информативной. Отсюда вытекал второй закон общения с пьяными: говорить нужно много, но медленно, по двадцать раз повторяя одно и то же, фразы должны быть короткими, желательно без прилагательных, то есть, по возможности, одни только существительные, местоимения и глаголы.

– Посидите, – я буквально толкнула Гомера на скамейку, стоящую перед подъездом.

Потом села рядом, крепко вцепившись свободной рукой в рукав его кашемирового пальто, дабы пресечь несанкционированные попытки проникновения в подъезд.

Теперь нужно сделать паузу, чтобы он осознал, что сидит, а не идет, и что рядом с ним сижу я. На паузу ушло около минуты. Он немножко пораскачивал головой, потом сфокусировал взгляд на мне.

– О... Ника...

– Правильно, – одобрительно кивнула я.

– О... Гошка...

– Тоже правильно.

– А Патрик где?

– Дома.

– А мы?

– А мы на улице. На улице мы сидим. Здесь свежий воздух. Дышать полезно. Собака гуляет. Мы ждем. Она гуляет – мы ждем. Дышим воздухом. Это полезно для здоровья.

– Хорошо, – Гомер удовлетворенно хрюкнул. – Гошка, я с тобой гуляю. Гошка, иди сюда.

Аргон немедленно подошел и мордой ткнулся хозяину в колени.

– А Славик где?

– Славик уехал, – терпеливо объяснила я. – Он спит. Уже поздно.

– А я?

– А вы гуляете.

– Почему? А спать?

– Сначала гулять. Потом спать. Все по очереди. Сначала одно, потом другое. Сначала гуляем, потом спим.

– Мы с вами вместе гуляем? – уточнил Гомер.

– Вместе.

– А спим?

Даже в пьяном виде он ухитрился сохранить пытливый ум. Забавно.

– Спим отдельно.

– Хорошо, – снова хрюкнул он.

Да уж неплохо. Мне не хватало еще только спать вместе с ним. Но я поторопилась. Потому что уже через мгновение Великий Слепец сладко спал на моем плече, сотрясаясь от собственного храпа. Миленько так, без затей.

Я вытащила из кармана мобильник и позвонила Мадам.

– Наталья Сергеевна, все в порядке, Павел Николаевич приехал.

– Где вы?

– На лавочке у подъезда.

– В каком он состоянии?

– Ну как вам сказать... В плохом. Николаю Григорьевичу лучше этого не видеть.

– Он смотрит телевизор. – В голосе Натальи зазвучала такая тоска, что мне стало жалко ее.

Все-таки она хорошая баба, ну, с придурью, но кто из нас без нее?

– Передача оказалась такой длинной, все не кончается и не кончается, – жалобно проговорила она. – Вы, наверное, замерзли?

– Замерзла, – подтвердила я.

А с какой стати я должна щадить ее и врать, что мне тепло и уютно? Все-таки зарплату она мне платит большую, так пусть отдает себе отчет, что за эти деньги я не прохлаждаюсь и не удовольствие получаю, а честно работаю и делаю даже то, что мне не нравится.

– Денис поел? – спросила я.

– Да, как раз сейчас кушает.

– Ему нравится?

– Да. – Мне показалось, что Наталья улыбнулась. – Говорит, очень вкусно.

– Ну и слава богу. Так что не беспокойтесь, Наталья Сергеевна, все будет в полном порядке. Мы тут посидим сколько надо. Только вы сразу позвоните, когда можно будет возвращаться.

В общем, если я скажу, что следующие минут сорок я наслаждалась жизнью, я совру. Гомер навалился на меня всеми своими ста килограммами, храпел и дышал мне в лицо выхлопом от того, что выпил и съел. Меню, судя по всему, было разнообразным и изобиловало острыми приправами. Аргон скулил, не понимая, что происходит и почему его заставляют бессмысленно крутиться на одном пятачке радиусом в длину поводка. Мимо нас в подъезд проходили люди, бросали на странную парочку быстрый и какой-то брезгливый взгляд и торопливо исчезали внутри. Странно, но никто не остановился, не попытался поздороваться с Гомером или хотя бы приветственно кивнуть, узнать, что случилось и не нужна ли помощь, тем более что Павел Николаевич сидел все-таки в обществе совершенно посторонней женщины, а вовсе не законной супруги. Такое впечатление, что жильцы дома друг с другом не знакомы и не общаются. Да, это не Рио-де-Жанейро. В смысле – не Ташкент. У нас там все было по-другому.

Зимний сырой холод нахально проползал в рукава, за воротник и снизу под джинсы, растекался под одеждой по всему телу и обустройства там основательно и надолго. Я сидела на жесткой скамейке, ерзала от озноба и утешала себя мыслями о занавесочке для ванной.

Почему о занавесочке? Сейчас объясню. Когда-то давно, в первый год моей работы на «Скорой», произошла со мной одна штука. Мы выехали на ДТП с ранеными, среди пострадавших была женщина с ребенком, мальчиком лет восьми. Мальчик сидел на заднем сиденье машины, поэтому пострадал меньше, чем его мать, ехавшая впереди, рядом с водителем. Женщина была такой тяжелой, что мне в какой-то момент показалось: не довезем, не вытащим. Она уходила прямо на глазах. Я отчаянно делала все, чему меня учили в институте и чему я успела научиться на практике, но она уходила. И не было никакой возможности ее задержать. И вдруг я зажмурилась и представила себе, как она, выздоровевшая, счастливая и веселая, стоит на пороге моей квартиры с огромным букетом цветов. И мальчик рядом с ней, тоже улыбается и протягивает мне какую-то мягкую игрушку, не то слоника, не то козлика, я не разобрала, но

игрушка была большая и серая. Я увидела это так явственно, что сама испугалась. «Ты выдержишь, – мысленно закричала я, – ты соберешь все силы и выдержишь, в больнице уже готовят операционную, вызвали всех врачей, самых лучших, я помогу тебе доехать, и все будет хорошо, все будет хорошо, я очень хочу, чтобы ты выжила и поправилась». Я продолжала делать все, что необходимо в таких случаях, и, чтобы не видеть ее угасающего лица, удерживала перед глазами ту картинку, на которой она с сынишкой стоит на пороге моей квартиры.

Мы довезли ее. Она выжила. И через два месяца пришла ко мне домой с сыном, цветами и мягкой игрушкой. Это был огромный лопухий мышонок. Серый. С белой грудкой. Я чуть в обморок не упала. Они горячо благодарили меня и не понимали, почему я плачу. А я плакала, и тоже не понимала почему.

Я твердо знаю, что я не экстрасенс. И дара предвидения у меня нет. Но из того случая я извлекла свой урок: надо точно представлять себе, чего ты хочешь, надо отчетливо видеть дальнюю цель, и тогда все остальное выстроится на пути к этой цели нужным образом. И после этого каждый раз, когда у меня случались тяжелые болезни, я представляла себе их здоровыми и счастливыми и цепко удерживала эту картинку в голове, пока остальная часть мозга быстро принимала решение о том, что делать. Механизм был прост, никакой мистики. У каждого человека есть своя палочка-выручалочка, помогающая принимать единственно верные решения. У кого-то это сигарета и чашка кофе, у кого-то – органная музыка, у кого-то пробежка на лыжах. У моего мозга такой помощницей оказалась картинка «из будущего». Вот и все. Я представляю себе благополучный исход, и все мои знания и опыт выстраиваются в аккуратном порядке, чтобы довести дело до этого исхода.

Я хочу жить и работать в Москве. Я не могу дать этому никакого логичного объяснения, которое могло бы удовлетворить взыскательного москвича, надрывно вздыхающего над проблемой мигрантов из бывших союзных республик, которые «понаехали и прямо житья от них нет». Я не могу привести в свою защиту ни объяснений, ни оправданий. Но я ведь и не обязана оправдываться. Я просто рассказываю свою историю. Если я кого-то раздражаю своим желанием жить в этом городе – не слушайте. Я не обижусь. Так вот, я хочу жить и работать в Москве. Для этого мне нужна квартира, прописка, гражданство, паспорт и работа. Причем последний элемент – работа – самый беспроблемный, он логично вытекает из наличия всех прочих элементов. Самый главный и сложный элемент – квартира, без нее не будет всего остального. И вот когда я все-таки накоплю деньги (лет через пять, не раньше), я пропишусь, оформлю свой статус, устроюсь на работу и начну потихоньку благоустраивать свое жилье. Сначала буду копить на самое необходимое – спальное место, стол, стул, плиту и кухонный шкафчик для посуды. Потом на все остальное. А когда вся мебель будет стоять на своих местах, подойдет очередь разных мелочей, таких, как скатерть, ваза для цветов и все прочие предметы, без которых вполне можно обойтись, но которые делают жизнь приятной и уютной. И последней в этом списке у меня стоит занавесочка для ванной. Я точно знаю, что она будет ярко-бирюзовая с рисунком в виде зеленых водорослей и красных рыбок. Наверное, это будет еще очень не скоро, лет через десять, а то и больше. Но я умею ждать. Тот день, когда я пойду покупать эту занавесочку, будет для меня самым счастливым.

Мыслями об этой занавесочке я и грелась, сидя на скамейке перед подъездом и слушая храп Гомера. Бирюзовая занавеска горела впереди, сверкала, переливалась и манила меня, как маяк манит и обнадеживает усталого измученного долгим плаванием моряка.

Приятные мечты о занавесочке для ванной то и дело перебивались вполне практическими соображениями, касающимися домашнего хозяйства. Увы, не моего собственного, а Семейного. Например, о том, почему темнеют концы листьев у одного из спатифиллумов. Всего их было три, два стояли в гостиной, и один – в спальне хозяев. Два чувствовали себя прекрасно и периодически выбрасывали красивые белые цветки, один же, несмотря на наличие цветка, отчего-то хандрил и не реагировал ни на целебные подкормки, ни на ласковые

слова, которыми я его баловала ежедневно. А уход за многочисленными цветами, заведенными в доме еще покойной Аделаидой Тимофеевной, тоже входил в мои обязанности. И не дай бог какому-нибудь цветку начать хиреть! Мадам тут же заметит и не преминет сделать замечание. И ведь что любопытно, сама Наталья Сергеевна не знает ни одного названия, не отличает спатифиллум от диффенбахии, а сингониум от сциндапсиса, страшно удивляется, когда я говорю ей, что одни растения нужно поливать умеренно и часто, а другие – редко, но зато обильно, от меня она впервые услышала, что цветы нужно подкармливать, причем весной и летом раз в две недели, а осенью и зимой – раз в два месяца, потому что они спят. Ей вообще, как выяснилось, даже в голову не приходило, что цветы могут спать. Пока была жива Адочка, она сама занималась зелеными насаждениями, никому не доверяла, квартира стала похожа на ботанический сад, в котором все цвело и благоухало. После ее смерти цветы, расставленные по всей шестикомнатной квартире, стали приходить в уныние, потому что поливать их забывали, а когда вспоминали, то лили неотстоянную воду литрами во все подряд, кормить так и вовсе не кормили, а о пересаживании и речи не было, все смутно помнили, что бабушка что-то такое делала периодически, но что именно и зачем – представления не имели. Однако же красоты и ароматов хотелось всем. Посему мне было поручено, помимо здоровья Главного Объекта, желудков всех прочих членов семьи, содержания в должном состоянии их одежды и обуви, животных числом три, порядка и чистоты всей территории квартиры, еще и следить за растениями. Чтобы вам было понятно, сколько там цветов, скажу лишь, что на однократный полив у меня уходит двадцать пять литров воды. То есть пять пятилитровых баллонов. И все же, почему один из спатифиллумов грустит? Я что-то не так делаю? Или шкодничает кто-то из животных? Вряд ли это Аргон, он все больше по кожаным изделиям ударяет. Каська? Или хулиганистый Патрик? Этот может, особенно если учесть, что беспокоящий меня цветок стоит в гостиной рядом с диваном как раз с той стороны, где всегда смотрит телевизор Алена, это ее законное постоянное место. А что, если поменять горшки местами и посмотреть, что получится?

А еще я твердила про себя свою любимую молитву:

*«Храни меня от злых мыслей,
Храни меня вдали от тьмы отчаяния,
Во времена, когда силы мои на исходе,
Зажги во мраке огонь, который сохранит меня,
Дай мне силы, чтобы каждое мое действие было во благо других...»*

Но все когда-то кончается, и относится это в равной мере и к счастливой жизни, и к неприятностям. Мадам позвонила и дала отмашку. Можно было будить Великого Слепца и волочить его в лифт. Любопытно, что ей даже в голову не пришло прислать мне в помощь Дениса. Или самой спуститься. Хорошая она баба, но с мыслительной деятельностью у нее прямо беда. Какие-то там, видно, дефекты.

С вялой полусонной тушей я справилась с трудом. Но справилась. С того дня «встреча пьяного гостя» прочно вошла в круг моих обязанностей. Это и стало той самой точкой под названием «Гомер». Я могла бы возмутиться и заявить, что делаю это в первый и в последний раз, что больше никогда... и ни при каких условиях... и пусть тогда Денис делает это вместе со мной... В общем, я нашла бы что сказать, если бы захотела. Я стояла на развилке и принимала решение: ввязываться мне в это мероприятие на постоянной основе или взбунтоваться. Я решила не бунтовать. Мне нужна была эта работа. И мне нужно беречь Николая Григорьевича. Если я взбунтуюсь, Великий Слепец пить не перестанет и проблема сама собой не рассосется. Просто образ мысли и характеры членов Семьи заставляют меня сильно сомневаться в том, что они смогут решать эту проблему грамотно и без ущерба для здоровья Главного Объекта. Конечно, раньше они как-то справлялись и без меня, и вполне вероятно, что и в дальнейшем справились бы. Но именно что «вероятно». То есть не наверняка. А рисковать я не могу.

Тем паче, как я поняла из рассказа самой Мадам, дед выдавал тяжелейшие приступы при виде пьяного сыночка, стало быть, решать проблему им удавалось далеко не всегда.

От точки «Гомер» моя жизнь пошла по той ветке, на которой периодически возникали длительные вечерние прогулки вдоль дома. И разве могла я тогда предвидеть, к чему все это приведет?

На соседней улице

«Ну что, старая гадина, не вышло у тебя ничего? Не вышло. Думала заграбастать все, что мои родители накопили, дочку свою, уродину, замуж пристроить с эдакими деньжищами, покайфовать на старости лет на чужой дачке да на чужой квартирке. Не вышло. Разгадал я тебя. Скажи спасибо, что тебя господь сам прибрал, а то сейчас тебе бы небо с овчинку показалось. Скажи спасибо, что не можешь слышать моих слов, потому что сейчас я произношу их про себя, а если бы ты была жива, то рано или поздно я бы тебе все это в глаза сказал. Старая сука!»

– Пойдем, Игорь, – Вера осторожно тронула его за плечо.

– Да-да, извини, сейчас идем.

Он встряхнулся и ласково посмотрел на двоюродную сестру. Глаза у нее сухие, лицо спокойное. Посещение кладбища, где похоронена ее мать – его тетка, родная сестра его матери, не вызывало у Веры ни слез, ни причитаний, она отгоревала первый год после похорон и с того момента навещала могилу только для того, чтобы прибраться, посадить цветы, вымыть памятник. Игорь всегда ездил вместе с ней, в хлопотах не помогал, молча стоял перед оградкой и мысленно разговаривал с теткой. Высказывал ей все, что накопилось, испытывая от этого какое-то сладкое и одновременно мучительное удовольствие.

А Веру он любил. Она ведь ни при чем, она тогда совсем девчонкой была и в коварные замыслы матери не посвящалась. Да, в юности она была не то чтобы уродиной, то какой-то такой... Неинтересной. Без изюминки. Мужики на нее не заглядывались, и тетка страшно боялась, что дочка засидится в девках. Однако же ничего, нашелся и на нее желающий, да и Вера, как оказалось, относилась к тому типу представительниц прекрасного пола, которые из некрасивых девушек как-то незаметно превращаются в очаровательных женщин, стильных, элегантных. Старая сволочь тетка, правда, этой радости уже не застала, померла восемь лет назад, а замуж Вера вышла совсем недавно. Даже странно вспоминать, что было время, когда Игорь считал дурнушку Веру красавицей. А все тетка, все она, стерва, внушала ему, что он никуда не годный уродец, а Верочка чудо как хороша. Пришло время, и он прозрел, он все понял про тетку, про ее желание полностью подчинить его себе, привязать к своей юбке, заставить в рот ей заглядывать.

Родители Игоря погибли в авиакатастрофе, когда ему было всего девять лет. В их огромную квартиру из крошечной однокомнатной в хрущевке немедленно переехала тетя Аня, сестра матери, со своей пятнадцатилетней дочкой Верочкой. Тетя Аня оформила опеку как ближайшая родственница. Соль же вся была в том, что и отец Игоря, и его мать трудились в сфере торговли и наворовали столько, что хватило бы на три жизни. И не абы какой, а роскошной и благоустроенной. А поскольку происходило это все в семидесятые годы, наворованные ценности хранились не в сберкассе и не в виде недвижимости (квартира и дача не в счет), а дома в многочисленных кубышках, в виде как денежных купюр, так и ювелирных изделий. То есть никаких проблем с вступлением в наследство не возникало, тетка и ее дочь жили в квартире, принадлежащей теперь Игорю, пользовались его дачей и потихоньку тратили то, что было спрятано в тайниках. Вернее, тратила одна тетка, Вера ничего не знала, Игорь был в этом уверен. А может, и знала... Да нет, скорее всего, не знала, и она, и маленький Игорь не задавались вопросами, откуда у тети Ани деньги на обновки, отнюдь не дешевые, они верили всему, что им говорилось. А говорилось, что тетя работает в стройтресте (как и было на самом деле) и регулярно получает премии и прогрессивки немереных размеров (а вот это уже было ложью, но доказать ее мог бы только следователь прокуратуры, а отнюдь не юная девушка и подросток).

С самого начала тетя Аня взялась за обработку племянника. И ничего-то он не знает, и ничего-то не умеет, и никчемный он, и уродливый, и постоять за себя не может, и вообще без

тети Ани, без ее помощи, поддержки и, главное, мудрых ее советов, он пропадет. Тетя теперь самый близкий его родственник, и он должен ее любить, почитать и беспрекословно слушаться.

Игорь слушался. Делал вид, что любил и почитал, хотя на самом деле тетку терпеть не мог. Но успеха в своем деле она, безусловно, достигла: Игорь свято уверовал в то, что он ничемный, слабый, безвольный, уродливый, глупый и не может за себя постоять. Очнулся он примерно за три-четыре года до теткиной смерти, когда случайно обнаружил родительские деньги и ценности, о которых до той поры и ведать не ведал. Был уверен, что живут они на теткину и Верочкину зарплату да на пенсию, которую государство выплачивало ему в связи с потерей кормильца. А сначала-то и Верочкиной зарплаты не было, пока она еще училась. Потом, когда ему исполнилось восемнадцать, пенсию выплачивать прекратили, но Игоря как раз в это время забрали в армию. Вот тут-то тетка, видно, и развернулась, почувствовала себя на воле. А Игорь возьми и приедь в отпуск без предупреждения. Явился он днем, когда тетя Аня и Вера были еще на работе, быстро принял душ и полез в шкаф за чистой одеждой.

Сначала он ничего не понял, некоторое время тупо разглядывал золотые изделия с бриллиантами и изумрудами, золотые монеты и просто слитки, лишь на периферии сознания испытывая удивление от того, что раньше в этом самом шкафу ничего такого не было. Потом до него стало доходить. Припомнились слышанные в далеком детстве обрывки фраз, которых он тогда не понимал. Дескать, интересно, куда все девалось, где оно хранится, сколько там всего, ведь должно быть очень много... В двадцать лет он легко понял то, чего не мог понять в девять и даже в тринадцать. Отец погиб, когда ему было почти шестьдесят и за плечами он имел тридцать пять лет «безупречной службы» в торговле. Мама была его третьей женой, намного моложе мужа, так что ее десять лет в сфере товарооборота принесли не такую большую прибыль, как папины тридцать пять. А вместе должно было получиться много, ох, как много! Игорь как-то не задумывался раньше, насколько честными были его родители, наличие большой квартиры, дачи и машины считал само собой разумеющимся, ведь он так жил с самого рождения и искренне полагал, что только так оно и может быть. Когда он вступил в разумный возраст, позволяющий критически оценивать информацию о старших, в том числе и о родителях, был уже конец восьмидесятых, подпольно нажитые капиталы выходили на поверхность, и слова «растрата, хищение, обман покупателей, пересортица, левый товар, ОБХСС» утратили свой былой устрашающий смысл. Посему ему ни разу не пришел в голову совсем простой вопрос: если родители работали честно, то на какие шиши приобретены кооперативная квартира, дача и машина, а если они работали нечестно, то где результат? Где оно, вещественное воплощение их торговых махинаций? Ведь квартира, дача и машина были еще до рождения Игоря, а что делали мама с папой следующие девять лет? Неужели перековались, наворовав на «прожиточный минимум», и остановились?

И только теперь, глядя на раскрытый чемодан с ценностями, он понял, каким слепым дураком был все эти годы.

Решение он принял мгновенно, понимал, что времени у него непонятно сколько, может, много, а может, всего минут двадцать. Схватил фотоаппарат и методично отщелкал две пленки – хорошо, что купил по дороге. Игорь не надеялся на память и отдавал себе отчет, что не сможет запомнить, чего тут и сколько.

И оказался прав. Тетка, увидев его дома, страшно перепугалась, а Игорь весело щебетал, за обе щеки уплетал вкусный обед и вечером ушел к приятелю. А когда вернулся, в шкафу все было точно так, как до его ухода в армию. То есть совсем не так, как в тот же день несколькими часами раньше.

Фотографии он проявил и отпечатал сам, у приятеля, в ателье отдавать не рискнул, мало ли какие вопросы возникнут. И потихоньку, оставаясь в квартире днем, сделал по снимкам подробную опись обнаруженного богатства. А через год, уже демобилизовавшись, дождался, пока тетя Аня и Вера уедут на несколько дней на дачу, и устроил дома форменный обыск.

Нашел все тайники и тщательно сверил имущество по описи. За год ценностей поубавилось, причем весьма прилично. По его прикидкам, этих денег хватило бы на квартиру и машину.

Игорь не был жадным и не стал морочить себе голову вопросами, на что потрачены деньги, на шмотки или на любовников. Какая разница? Важно другое: его много лет обманывали. Алчная тетька Аня скрывала от него, что от родителей осталось большое наследство, и тратила его исключительно на себя и свою дочь. Она стремилась к тому, чтобы Игорь находился в полном ее подчинении и не смел слова вякнуть или о своих правах заявить, не смел вопросы задавать и вообще ничего не смел. Она таким его воспитывала. И, пожалуй, почти воспитала. Хорошо, что все вовремя открылось.

С того дня он стал регулярно проверять тайники и отмечать исчезновение то кольца, то браслета, то золотого слитка. Тетя Аня то и дело появлялась в новых шмотках, ездила с любовником за границу, устраивала в ресторанах шумные и многолюдные празднования своего дня рождения и дня рождения Верочки, при этом с ясными глазами уверяла, что все это совсем недорого и оплачено ее любовником или ею самой с какой-то невероятно большой премии в связи с удачным завершением совместного с иностранной фирмой проекта. Хотя Игорь точно знал, что она врет, но уличить ее во лжи не мог. С этим надо было что-то делать. А что – он не знал. Слишком силен был эффект теткиного воспитания: он ненавидел ее, но сказать вслух не смел ни слова.

Он начал всерьез подумывать о том, чтобы убить ее. Но судьба помогла, отвела от греха, послала тете Ане болезнь лютую и скоротечную. Так что не вышло у нее ничего. Пока Игорь был маленьким, она не могла тратить деньги слишком расточительно, все-таки при советской власти такие фокусы не проходили, так что до начала девяностых потрачено было совсем немного. А уж когда дикий капитализм начался и никто ни у кого ничего не спрашивал, трать сколько хочешь, тогда бы тете Ане и развернуться. Ан нет, всего-то три-четыре годика пожила она на несправедливые денежки и отошла в мир иной.

Что она за это время успела, кроме как одеться с ног до головы и объездить с любовниками всю Европу, проживая в самых дорогих отелях и летая первым классом? Успела кое-что. Во-первых, продала однокомнатную квартирку в хрущевке и купила для Верочки хорошенькую «двушку», чтобы девочке было с чем замуж выходить. Отремонтировала ее и обставила. Дочери сказала, что подвернулся удачный обмен с совсем крошечной доплатой, а та и поверила, тоже ведь в рот матери смотрела и вякать не смела, тетя Аня именно потому так успешно произвела воспитательный процесс над племянником, что предварительно отработала методику на собственной дочке. Во-вторых, милая тетушка купила лично для себя и не скупясь обставила «трешку» в элитном доме, которую до поры до времени держала законсервированной и использовала только для интимных встреч. Предусмотрительной была, понимала, что Игорь рано или поздно женится и встанет вопрос о том, чтобы родственнички убирались по месту постоянной прописки. Или не женится, а просто повзрослеет настолько, что посмеет встать на дыбы. В квартире Игоря ей было удобно – центр, от метро близко, до работы добираться пятнадцать минут, а от нового ее жилья – все полтора часа выйдет, да и тайники с ценностями здесь, под рукой, а на новой квартире, даже если удастся все вывезти, хранить это богатство негде, не дай бог украдут, так что пока была возможность, тетя Аня изображала заботливую родственницу, без опеки которой парень немедленно пропадет, и съезжать не торопилась.

Игорь терпел и набирался сил для рывка. Он понимал, что должен переделать себя, создать себя заново, стереть из памяти и из души того послушного и безропотного мальчика, который НЕ СМЕЕТ. Не смеет подозревать и плохо думать о тете Ане, не смеет спрашивать и требовать ответа, не смеет залезть в тайники и все перепрятать, а потом смотреть на тетку невинными глазами и говорить, что не понимает, о чем речь, о каких ворах и каких ценностях.

Он всерьез занялся собой. И когда ему показалось, что он уже близок к поставленной цели, что еще чуть-чуть – и он ПОСМЕЕТ... Вот тут-то тетка и умерла. Очень кстати.

Дальше все было просто. Тактичная Верочка тут же переехала сначала к себе, в новую «двушку», а спустя год, после окончания всех юридических формальностей с наследством, в мамину «трешку». Похоже, она не меньше Игоря испытывала давление матери и страдала от него, потому что, осиротев, как-то на удивление быстро расцвела, похорошела, а через некоторое время, когда ей было уже хорошо за тридцать, и замуж вышла. Игорь был на свадьбе, веселился вместе со всеми и искренне радовался за сестру. Он не был злым, во всяком случае по отношению к Вере, и у него хватало ума понимать, что она точно такая же жертва тети-Аниной жадности и наглости, как и он сам. И жених Верочкин ему понравился, хороший мужик. Дай им бог счастья и любви, пусть живут в добре и согласии.

Однако же работа над собой, оказавшаяся ненужной с точки зрения борьбы с теткой, принесла Игорю немало пользы. Он внимательно и кропотливо пересмотрел всю свою жизнь и, к собственному удивлению, понял, что главным чувством, преследовавшим его с того момента, когда в его жизни появилась тетя Аня, было чувство униженности. А причиной этой униженности было то, то он НЕ СМЕЛ.

Из этого удивительного открытия родилось Дело, которому отныне Игорь Савенков посвящал основную массу времени и сил, свободных от работы и личной жизни. Дело дарило ему наслаждение. Такое наслаждение, какое не могла дать ему ни одна женщина, ни одна самая лучшая книга и никакая самая прекрасная музыка.

* * *

Проводив Веру с кладбища до ее дома, Игорь сел в машину и направился туда, куда влекло его Дело. Сегодня среда, по средам она возвращается домой около семи вечера, проверено неоднократно. Он купил большой букет цветов и занял позицию у выхода из метро «Сокольники». Ждать пришлось недолго, у этой женщины жизнь размеренная, по часам выверенная, эксцессов не предусматривающая.

Вот и она. Усталая, лицо безрадостное, глаза потухшие. Идет тяжело, и все ее годы на виду, ни один не спрячешь. Ей должно быть пятьдесят два – пятьдесят три, Игорь помнил, что она всегда была на двадцать лет старше его.

– Здравствуйте, Ольга Петровна, – он шагнул ей навстречу, протягивая букет.

– Это опять вы?

Но не удивилась, словно знала, что он снова будет встречать ее. Знала и ждала. Хотя сейчас, как и в прошлые разы, начнет делать вид, будто для нее это полная неожиданность.

– Опять я. Вы мне не рады?

Она не ответила, но букет взяла, поднесла к лицу.

– Хорошо пахнут.

Цветы скрыли ее улыбку, но Игорь был уверен, что улыбка была. Точно была.

– Позвольте, я вас провожу?

– Проводите. Хотя я все равно не понимаю, зачем вам это нужно, Игорек. Вы такой молодой, красивый мужчина, ну что вам за интерес провожать такую скучную старуху, как я.

– Вы не старуха, Ольга Петровна, вы – Женщина с большой буквы, и я прошу вас больше никогда так о себе не говорить. Это оскорбительно.

– Для кого оскорбительно? Для меня?

– В первую очередь для меня. Такими словами вы оскорбляете мои чувства.

– Вы не похожи на современных тридцатилетних мужчин, Игорек, – заметила она, теперь уже открыто улыбаясь. – Вы как будто из другого поколения.

– Почему?

Он отлично знал, почему, и хорошо понимал, что именно она имеет в виду. Но он хотел, чтобы Ольга Петровна сама сказала. Вслух. Это доставит ему удовольствие.

– Потому что современные тридцатилетние мужчины не знают таких понятий, как оскорбление чувств. И даже если что-то подобное испытывают, все равно не находят нужных слов, чтобы это выразить. Наступила эпоха словесного оскудения. Я ежедневно слушаю, как говорят мои ученики, и прихожу в ужас, ведь они владеют от силы тремя десятками слов, и уж конечно, при помощи этих жалких трех десятков не могут сформулировать ни одну более или менее сложную мысль. А у вас, похоже, были в школе хорошие учителя литературы и русского языка.

Вот. Она это сказала. Игорь был наверху блаженства. Да, учителя у него были хорошие, особенно одна, которая вела литературу и русский с седьмого по десятый класс. Ольга Петровна Киселева. Боже, как она была красива! Во всяком случае, Игорю так казалось. Он таял от восторга, глядя на нее, сердце его готово было разорваться, и он ненавидел звонок, возвещающий об окончании урока. На ее уроках он готов был сидеть вечно. А она его даже не помнит... Ни в лицо (но это ладно, за столько-то лет он наверняка сильно изменился), ни по фамилии. Впрочем, чему удивляться, ведь сколько учеников через ее руки прошло за эти годы, разве всех упомнишь! Хотя его-то, Игоря, она уж, казалось бы, должна была помнить. Ведь не каждый день такое случается. А с другой стороны, откуда ему знать? Может, и каждый день. Черт их знает, учителей, что у них там происходит на самом деле. Однако факт остается фактом: Ольга Петровна Киселева забыла своего ученика Игоря Савенкова. Ну и пусть. Придет время – он ей напомнит. Или не напомнит, видно будет по ситуации. Он сам решит.

– Ольга Петровна, вы не хотите мороженого? – предложил он.

– Спасибо, нет. Какое мороженое в такой холод, что вы!

– А чего вы хотите?

– Ничего, – она взглянула удивленно, непонимающе. – Спасибо, Игорек, я ничего не хочу.

– Но мне хотелось бы сделать вам что-нибудь приятное.

– Вы подарили мне цветы, этого вполне достаточно. И вы скрашиваете мне дорогу от метро до дома.

– Значит, я не могу больше ни на что рассчитывать?

Этот вопрос Игорь подготовил заранее. Он встречает Ольгу Петровну по средам у выхода из метро уже полтора месяца. С девушками и молодыми женщинами все происходит куда быстрее, не то что с пожилыми учительницами. В первый раз Игорь изобразил случайное знакомство, нашел повод заговорить, постарался понравиться, вовлек ее в беседу и незаметно проводил до самого дома. В следующий раз ждал ее с цветами и смущенно уверял, что сам не понимает, что это с ним такое, но их встреча неделю назад оставила в его душе ощущение чего-то родного и теплого, и он просто не мог отказать себе в удовольствии... и так далее. Трудно сказать, поверила ли она, но цветы взяла и всю дорогу до дома поддерживала оживленную беседу. В следующую среду все повторилось, и в следующую, и еще в следующую. Но все словно заморозилось. Она не предлагала Игорю зайти в гости на чашку чаю и не давала ему повода спросить номер ее телефона. Но Игорь не торопился. А куда ему спешить? Все будет идти своим чередом, и все сделается тогда, когда должно будет сделаться. Он понимал, что есть еще одно обстоятельство, которое сдерживает его, не давая проявлять излишнюю торопливость. Да, когда-то она казалась ему олицетворением красоты мироздания. Когда-то, но не теперь. Теперь Ольга Петровна Киселева была обычной женщиной за пятьдесят, утратившей четкость черт лица и изящество линий тела, расплывшейся, с незакрашенной сединой и не совсем аккуратным макияжем – следствием возрастной дальнозоркости и утраты кожей молодой упругости. И ни малейшего вожделения она у Игоря не вызывала. Так что торопиться и вправду некуда.

Но и стоять на месте вроде бы бессмысленно, не для того все затевалось. Поэтому к сегодняшнему свиданию Игорь подготовил вопрос, который вполне, как ему показалось, уместно задал:

– Значит, я не могу больше ни на что рассчитывать?

Она с интересом взглянула на него, и Игорю показалось, что в глазах учительницы мелькнуло что-то похожее на обиду.

– А на что вы, собственно, хотите рассчитывать, Игорек?

Его бесило это «Игорек», она разговаривала с ним как с мальчишкой, как с учеником, подчеркивая тем самым огромную разницу в возрасте. Ничего, придет время – и все переменится.

– Например, на то, что вы согласитесь пойти со мной в театр. Или хотя бы на то, что во время наших с вами прогулок вы позволите держать вас под руку.

Ольга Петровна остановилась и посмотрела на Игоря спокойно и печально.

– Я не понимаю, зачем вам это нужно. Ну объясните мне, Игорек, зачем вам нужно дарить мне цветы, провожать до дому и водить в театр. Неужели у вас нет более интересного занятия?

В точку попала. Нет у него более интересного занятия, чем делать свое Дело. Делать не торопясь, со вкусом, наслаждаясь каждой минутой, каждым шагом, каждым словом. Тщательно и заранее продумывая каждую деталь и постепенно воплощая замысел в жизнь. Но разве ей объяснишь!

– Нет на свете занятия более достойного и приятного, чем дарить цветы прекрасной и умной женщине, провожать ее и ходить с ней в театр.

– У вас действительно были прекрасные учителя, – усмехнулась Киселева. – И в какой театр вы собираетесь меня пригласить?

– В «Современник».

– На какой спектакль?

– На «Вишневый сад», разумеется.

– Почему?

– Потому что вы преподаете литературу, а «Вишневый сад» – это школьная программа, так что к пьесе у вас не будет претензий. Я бы не рискнул предложить вашему вниманию модерн или сюр.

– И все-таки, почему именно «Вишневый сад»? Ведь в московских театрах есть и другие спектакли по пьесам из школьной программы, «Чайка», например, или Островский в Малом театре.

Ни «Чайка», ни Островский его не устраивали, ему нужен был именно «Вишневый сад». Потому что все случилось на уроке, когда они писали сочинение по этой пьесе Чехова. Это было частью плана, одной из многочисленных его изюминок.

– Я люблю «Современник», Ольга Петровна, а в этом спектакле играют мои любимые актеры. Но если вы возражаете, я возьму билеты на Островского.

– Нет, Игорек, я не возражаю. Пожалуй, я пойду с вами в театр. Когда?

– Послезавтра. Вы сможете?

Он ждал ответа, затаив дыхание. Она согласилась пойти, но это только полдела. У Ольги Петровны есть дети и маленькая внучка, с которой ей регулярно приходится сидеть. Она сама ему об этом рассказывала. А вдруг именно послезавтра ей собираются подкинуть малышку, и ничего уже нельзя переиграть? Господи, она уже бабушка, как же он сможет... Нет, не надо думать об этом, Дело есть дело.

– Смогу, – ответила Ольга Петровна, чуть поколебавшись. – Дочь, правда, просила взять внучку на выходные, ведь послезавтра у нас пятница... Но ничего страшного, я заберу ее в субботу с утра.

Они дошли по Стромынке до поворота на Малую Остроумовскую улицу. Еще две минуты – и дом, в котором живет Ольга Петровна.

– Спасибо, Игорек, мне было приятно вас видеть.

Она протянула ему руку, и Игорь подумал, действительно ли ей было приятно, или это просто формула вежливого прощания. Он взял ее руку и поднес к губам. Это тоже было домашней заготовкой на сегодня. Рука у Ольги Петровны неухоженная, с коротко остриженными ногтями без лака, с суховатой и слегка шершавой кожей. И с намечающимися пигментными пятнышками. Да, старость не за горами.

– Я буду ждать в вас на крыльце перед входом в театр послезавтра, в половине седьмого. До встречи, Ольга Петровна.

Он подождал, как и диктуется правилами хорошего тона, пока она скроется в подъезде, и только после этого двинулся назад к метро. Ну конечно, так он и знал, какой-то козел намертво «запер» его машину, ни вперед, ни назад не выехать. Но Игорь не испытывал раздражения. Он делал Дело, а все остальное значения не имело. Можно пока прогуляться до парка, подышать воздухом, подумать, проанализировать события – весь разговор, каждое слово, каждый взгляд – и наметить план на пятницу. Продумать заранее, что и как говорить, как вести себя во время спектакля и после него, какие цветы купить, как одеться, чтобы произвести на учительницу нужное впечатление. И самое главное – какие жесты можно себе позволить уже послезавтра, а какие еще рано, есть опасность спугнуть. Можно ли накрыть ладонью ее руку в темноте зрительного зала? Или пока ограничиться только «случайным» прикосновением?

Игорь не любил импровизаций, он предпочитал загодя составлять план и строго и неуклонно ему следовать. Через полчаса он вернулся к машине и с удовлетворением отметил, что выезд свободен, а в голове у него сложилась четкая и понятная картина похода в театр.

Глава 4

Ника

Это был во всех отношениях удачный день. Удача как таковая наметилась еще накануне вечером, когда Наталья Сергеевна сообщила, что весь следующий (то бишь сегодняшний) день намеревается провести дома, поскольку в работе ее наступил временный перерыв. Такие перерывы случались и раньше, ведь дизайнер-архитектор – творец свободной профессии, заказчик есть – работает, заказчика нет – сидит дома. Перерывы у Мадам бывали как короткими – два-три дня, так и подлиннее, например, однажды она просидела без заказов целых две недели, в течение которых я могла уходить днем куда угодно.

– Ника, завтра я буду дома, так что вы можете, если хотите, планировать собственные дела.

Нет, что ни говори, а Наталья хороший человек. Ни Гомер, ни Денис, ни Алена никогда не снисходили до того, чтобы по собственной инициативе отпустить меня. Ну, Великий Слепец – еще ладно, он, по-моему, за год так и не сообразил, что я существо одушевленное и могу иметь какие-то потребности. Денис, похоже, понимал, что я живая, но со свойственным молодым людям апломбом полагал, что женщина в тридцать семь лет (да-да, это в начале истории мне было тридцать шесть, а теперь уже, увы, на год больше) не живет, а доживает свою жизнь, доволакивает, с трудом шевеля ногами, свое брэнное существование, посвящая всю себя беззаветному служению детям и внукам (если повезет) или чужим людям (если не повезет, как мне). Денис вообще редко сидел дома, у него, помимо учебы в институте, находилась масса преинтереснейших занятий, он рано уходил и поздно возвращался, а бывало, что и не возвращался вовсе, поскольку оставался ночевать у своей пассии. В те же редкие дни, когда он никуда не уходил с самого утра, он никогда не мог ответить со всей определенностью, сколько времени собирается пробыть дома. Он мог твердо пообещать мне два часа «отгула», но когда я возвращалась, то заставала в квартире только Николая Григорьевича в обществе немногочисленных животных и многочисленных растений. Оказывается, Денис вдруг вспомнил, что кому-то что-то пообещал или ему куда-то срочно нужно. (Помните у Жванецкого: «Мне в Париж по делу надо».) Или наоборот, парень явно собирался уходить, одевался, с кем-то созванивался, а спустя некоторое время я обнаруживала его лежащим на диване с пультом от телевизора в руках или сидящим за компьютером с неизменным Патриком на плече. Он, видите ли, передумал ехать туда, куда только что собирался. Но, может быть, опять вскоре надумает.

Алена же – это вообще особая статья. Она девушка целеустремленная и собранная, всегда точно знает, когда, куда и зачем пойдет, она все записывает в ежедневник и постоянно заглядывает в него, чтобы ничего не забыть и никуда не опоздать. Но! Она так и не простила мне измены Патрика. Алена убеждена, что самим фактом извлечения котенка с улицы и водворения его в Семье получила незыблемое и непреходящее право на его любовь и преданность. Патрик же этой точки зрения почему-то не разделял, в руки своей спасительнице не давался, а спать уходил ко мне. Из-за этого девочка безумно ревновала несчастного кота и, как я подозреваю, столь же безумно ненавидела меня. И потом, ей, ученице выпускного класса, очень нравилось чувствовать себя «новой русской, имеющей прислугу». Она, как и Денис, не давала мне возможности планировать выходы из дома, но в отличие от брата делала это умышленно, а не от безалаберности. Ее коронным номером было ожидание мифического телефонного звонка, после которого ей станет ясно, будет она уходить или нет. По-моему, ей доставляло удовольствие измываться надо мной. Ну да ладно, она еще маленькая и глупенькая, какой с нее спрос. Это когда тебе за пятьдесят, ты имеешь полное право считать прожитые годы той высотой, с

которой лучше видно. А когда тебе семнадцать, ты не то что не на высоте, ты даже и не на равнине пока, так, в ямке сидишь, а из ямки обзор, как известно, весьма и весьма ограниченный, да и перспектива искажается, и все, кому за тридцать, кажутся тебе ветошью, доброго слова не стоящей, и прошлым веком.

В тот день удачи просто сыпались на меня как из рога изобилия. Мало того, что Мадам осталась дома, так еще и Денис, вопреки обыкновению, заявил прямо с утра, что в институт ему не надо и он будет в своей комнате готовиться к зачету. А чтобы голова лучше работала, он, пожалуй, выйдет на прогулку с Аргоном. Таким образом, имея возможность сходить в магазин днем и избавленная от утреннего «собакинга» (как я маленьким язычком называла выгул пса), я получила в подарок первую половину дня без суеты и спешки, без страха опоздать с чьим-нибудь завтраком и без беспрестанного поглядывания на часы.

В очередной раз мне повезло, когда я заканчивала выжимать сок для завтрака Мадам. На кухне возникла Кассандра собственной серо-голубой персоной и, сверкая апельсинового цвета глазами, вывела затейливую руладу, подразумевающую вполне конкретное содержание. Бросив соковыжималку, я кинулась в комнату Алены – и вовремя! Зловредный Патрик уже облюбовал брошенную на диване книжку и пристраивался к ней с самыми недвусмысленными намерениями. Меня прямо в жар бросило! Он ведь не трепать ее собрался и не грызть, а кое-что похуже... Книжку можно, в конце концов, выбросить, а вот что потом делать с диваном, воняющим кошачьей мочой? Схватив наглеца под брюшко, я выволокла его из Аленыной комнаты и буквально швырнула в лоток. Однако лоток его совершенно не устроил, Патрик немедленно вылез из него и сел рядом в позе непонятого гения, глядя на меня в упор растопыренными изумрудно-зелеными глазами, словно говоря: «До чего ж ты, Кадырова, неумная. Неужели ты в самом деле решила, что я хочу в туалет по-маленькому и забыл, где лоток? Неужели ты так и не усвоила, кого я в этом доме люблю, а кого терпеть не могу? Можешь теперь делать со мной что захочешь, но я от своих принципов не отступлюсь».

– Ну и не отступайся, – буркнула я, возвращаясь на кухню и тихо радуясь про себя, что успела предотвратить катастрофу и неминуемый скандал по поводу испорченного дивана.

Все-таки, наверное, зря я ворчу на Каську, ябедничать – оно, само собой, нехорошо, но иногда бывает так кстати!

Всех покормив и убрав кухню, я отправилась за продуктами и массой прочих необходимых вещей, как-то: стиральные порошки, туалетная бумага, лекарства для пополнения домашней аптечки в целом и для Главного Объекта в частности: Старому Хозяину с завтрашнего дня нужно начинать очередной месячный курс кардикета-20, да и ампулы строфантина я вчера проверила – срок на исходе, пора покупать новые. Кроме того, заканчивался собачий корм, и нужно добратся до специализированного магазина и притащить еду для Аргона, а заодно уж и для Кассандры и Патрика. С собачьим кормом тоже тяжелый случай: покупать его нужно в «Пинчере» на Нижегородской, куда ни на каком муниципальном транспорте от нашего дома не доедешь. Но туда-то еще ладно, а вот обратно... Мадам настаивает, чтобы я покупала корм в пятнадцатикилограммовых упаковках, потому что так получается дешевле. Аргону, не страдающему отсутствием аппетита, этого количества хватает ровно на месяц. Есть упаковки и поменьше, по два, например, килограмма и, кажется, даже по пять, можно брать и вразвес, но выходит дороже, а в этом вопросе Наталья Сергеевна почему-то придерживается экономии. Хоть убейте меня, никак не могу понять, почему бы снабжение хвостатых членов Семьи питанием не взять на себя тому, кто ездит на машине. Машин у Сальниковых две, на одной ездит Гомер, на второй – Мадам. Никак до меня не доходит, почему тяжеленные мешки с кормом я должна таскать на собственном хребте. Разумеется, насчет хребта – это я для красного словца вставила, корм я вожу в сумке на колесиках, но все равно это далеко, тяжело и неудобно. Можно, конечно, поймать частника, но на такие траты хозяева «добро» не давали, а своих собственных денег мне, честно признаться, жалко, у меня их и без того немного. То есть много,

конечно, но каждый потраченный рубль я отнимаю у своей будущей квартиры. Поэтому чищу зубы самой дешевой пастой, мою голову самым дешевым шампунем, от которого волосы торчат в разные стороны, как пакля, пользуюсь самым дешевым дезодорантом и ношу самые дешевые колготки. Хорошие духи, купленные еще во времена моей жизни с Олегом, давно закончились, только флакончик остался как напоминание о том, какой жизнью я жила раньше и какой живу теперь. Разница, надо вам заметить, огромная. Экономлю я жестко и даже жестоко, поэтому и мешки с собачьим кормом таскаю на себе.

Вернувшись из магазинных вояжей, я принялась за уборку. Чтобы дать вам некоторое представление о фронте работ, придется снова остановиться в изложении событий и сказать несколько слов о собственно квартире. Когда-то это была просторная четырехкомнатная квартира улучшенной планировки с двадцатиметровым холлом и двумя санузлами. Квартиру получила от государства Аделаида Тимофеевна, поскольку была, во-первых, академиком и ректором крупного технического вуза (что-то связанное с металлургией), а во-вторых, депутатом Верховного Совета СССР. Не надо думать, что все академики, ректоры и депутаты жили в таких квартирах и таких домах. Нет, далеко не все. Но Аделаида Тимофеевна Сальникова – да, жила. Кроме нее, в этом доме получили квартиры еще четыре семьи известных ученых, поскольку было соответствующее письмо из Академии наук в ЦК КПСС об улучшении жилищных условий для цвета советской науки и техники. Все же остальные, вселявшиеся в этот роскошный по тем временам дом, были людьми, непосредственно связанными с самим ЦК, Советом Министров и аппаратом Верховного Совета.

В период перестройки контингент жильцов изменился, квартиры приватизировались и продавались, переходили в дар и по наследству, и Сальниковы оказались одними из очень немногих оставшихся старожилов. В середине девяностых, когда Денис и Алена подросли настолько, что уже не могли жить в одной комнате, в квартире сделали ремонт и перепланировку, накроив из четырех больших комнат шесть, но поменьше. Одна комната так и осталась общей гостиной, во второй обитали Адочка и Николай Григорьевич, третья стала спальней Гомера и Мадам, в четвертой и пятой существовали автономно Денис и Алена, а в шестой, самой крохотулечной, Аделаида Тимофеевна устроила себе кабинет. Жаль, что я не застала ее, мне кажется, Адочка была личностью неординарной. Чего стоит только один компьютер на ее рабочем столе! Ведь она умерла в шестьдесят восемь лет, и это означает, что персональным компьютером она овладела лет в шестьдесят, если не позже. И не побоялась же!

Как рассказывал Старый Хозяин, в период подготовки к ремонту между Адочкой и Мадам шли бесконечные споры о судьбе кухни и холла. Мадам хотела расширить кухню, отняв у холла метров десять, а лучше – пятнадцать, и сделать из нее кухню-столовую, где можно принимать гостей. Адочка же была категорически против, потому что в холле традиционно находилось место для собаки (у Сальниковых и до Аргона были собаки, причем все до одной крупные), и это совершенно невозможно, чтобы человек, входя в квартиру, немедленно наткался на собачью подстилку, а на пяти-семиметровом пятачке, назвать который холлом даже язык не поворачивается, именно это и будет происходить. Кроме того, Аделаида Тимофеевна совершенно не понимала, для чего нужна кухня-столовая. Кухня – это место, где готовят еду, не более того, и оно вовсе не должно быть просторным. В доремонтно-доперестроечные времена у Сальниковых было принято трапезничать в комнате, выполняющей функции одновременно гостиной и столовой. В ней происходило все, от приема гостей до скромного индивидуального чаепития. Адочка была категорической противницей кухонных посиделок, считала их неинтеллигентными и отдающими духом диссидентства. Правильно устроенная жизнь, по ее мнению, исключала прием пищи в пищеблоке, зато подразумевала обязательный круглый стол, за которым ежевечерне собирается вся семья, делится впечатлениями от прожитого дня и планами на будущее, а заодно получает руководящие указания и мудрые советы от патриар-

хов (читай – от Николая Григорьевича) и народных избранников (имелась в виду сама госпожа Депутат).

Сказать, что Адочка и Мадам ссорились и скандалили из-за размеров холла и кухни, значило бы нагло соврать. С Адочкой никто не смел ссориться и скандалить. Со слов Главного Объекта мне стало понятно, что шли нудные, ежедневные, всем до смерти надоевшие переговоры за тем самым круглым столом. Адочка излагала свои аргументы, Наталья – свои, Гомер и Старый Хозяин молчали в тряпочку, детям слова вообще не давали за малолетством, но теперь Николай Григорьевич догадывается, что в тот момент на стороне жены стоял только он сам. Все остальные устали от диктата Аделаиды Тимофеевны и хотели покончить с ежевечерними круглостольными сборищами и жить по собственному графику. Но понял это он только тогда, когда через неделю после смерти Адочки круглый стол был потихоньку выдворен из квартиры и заменен новой мягкой мебелью, развалившись на которой так удобно смотреть телевизор и читать. Адочка никаких таких «развалов» не признавала, в гостиной при ее жизни были только стол, стулья и кресла. В тот день, когда исчез знаменитый круглый стол, Николай Григорьевич перестал выходить в гостиную. Он вдруг до боли ясно осознал, что дети и внуки избавляются от той жизни, которой он жил вместе с любимой Адочкой, что эта жизнь стоит им поперек горла, что они этой жизни больше не хотят. Они хотят жить по-своему, и Старый Хозяин принял решение им не мешать. Но видеть гостиную, в которой больше нет круглого стола, оказалось выше его сил.

А тогда все закончилось компромиссом. Адочка милостиво согласилась пожертвовать в пользу кухни кусочком холла, но не пятнадцатью метрами, как просила невестка, и даже не десятью, а всего лишь пятью.

И вот теперь мне нужно три раза в неделю убирать эти сто пятьдесят метров площади с двумя сануздами, неисчислимым количеством углов и мебельных закоулков и собачье-кошачьей шерстью.

Очередная удача свалилась мне на голову как раз во время уборки. На минутку выключив пылесос, я решила заглянуть к Старому Хозяину в чисто профилактических целях, сегодня он не требовал особого надзора, давление и сердечные тоны с утра были вполне приличными. И опять успела вовремя! Как будто Провидение меня сподобило зайти в комнату Николая Григорьевича: Главный Объект стоял, опираясь руками на стол, губы и пальцы рук посинели, дышал он неглубоко и часто. Достаточно было оглянуться, чтобы понять, откуда взялся приступ сердечной недостаточности. Неугомонный чекист-полковник-в-отставке давно поговаривал о своем желании передвинуть шкаф, но поскольку одобрения, а стало быть, и помощи от родных не дождался, то решил сделать все сам.

– Николай Григорьевич, ну что же вы меня не позвали? – укоризненно приговаривала я, усаживая Старого Хозяина на диван и прилаживая кислородную подушку.

– Я звал, но вы не слышали, – отвечал он задыхаясь, слабым голосом.

Ну конечно, пылесос. Какой-то супер-пупер, пыль сосет отлично, кто бы спорил, но ревет при этом, как раненый медведь. Пушечного выстрела не услышишь, не то что тихий зов несчастного больного сердечника.

Еще одна удача: из трех кислородных подушек две были пустыми, но одна-то оставалась полной, я как раз сегодня собиралась после обеда сходить в аптеку заправить пустые подушки кислородом. Так что с приступом мы справились быстро, обошлись одной подушкой вместо обычных двух, и я успела порадоваться, что с утра пополнила свежими ампулами запас строфантина. Уложила непослушного старика в постель, вколола ему строфантин, потом панангин и велела лежать тихо, как мышка, в противном случае пожалуйюсь Наталье Сергеевне. Это я так угрожала.

Только-только я снова включила пылесос, как нарисовался Денис.

– Ника, когда обед?

Вот черт, непривычно мне кормить его днем, я так увлеклась магазинами и уборкой, что катастрофически опаздывала с мясом для дневного кормления студента. Обеды для язвенника Николая Григорьевича и вечно худеющей Алены я приготовила еще утром, Наталья предупредила, что у нее сегодня «день здоровья» и она будет питаться исключительно фруктами, так что за нее можно было вообще не беспокоиться, Гомер обедает на работе. А про Дениса я забыла.

– Ты уже совсем голодный или еще терпишь? – с надеждой спросила я.

– Еще с полчаса могу потерпеть, но вообще-то организм уже требует горючки. Сделай мне свининки с жареной картошечкой, ладно?

Свининки. Во как. Да где ж ее взять, спрашивается? Я ее сегодня не покупала, взяла, как обычно, баранину для желудочно здоровых и парную телятину для диетиков. Сказал бы с утра, что будет днем хотеть свинину... Ну и что, бросать уборку и кидаться, ломая ноги, в магазин за мясом? Впрочем, бросать уборку все равно придется, обед-то для Дениса готовить нужно.

– А может, баранью котлету съешь? – предложила я.

– Баранью котлету? – Денис призадумался. – Можно. Только все равно с жареной картошечкой. И салат. И суп какой-нибудь.

Снова повезло. У Сальниковых хорошая бытовая техника, и на котлетный фарш у меня уходит минут десять, а суп я варила для Старого Хозяина, причем варила по-хитрому, так, чтобы язвенник мог его съесть без ущерба для здоровья, но чтобы после пятиминутной доводки он был вкусен и всем остальным. За год работы в Семье я много таких уловок освоила, не только с супами, но и с курицей, и с телятиной, и с овощами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.